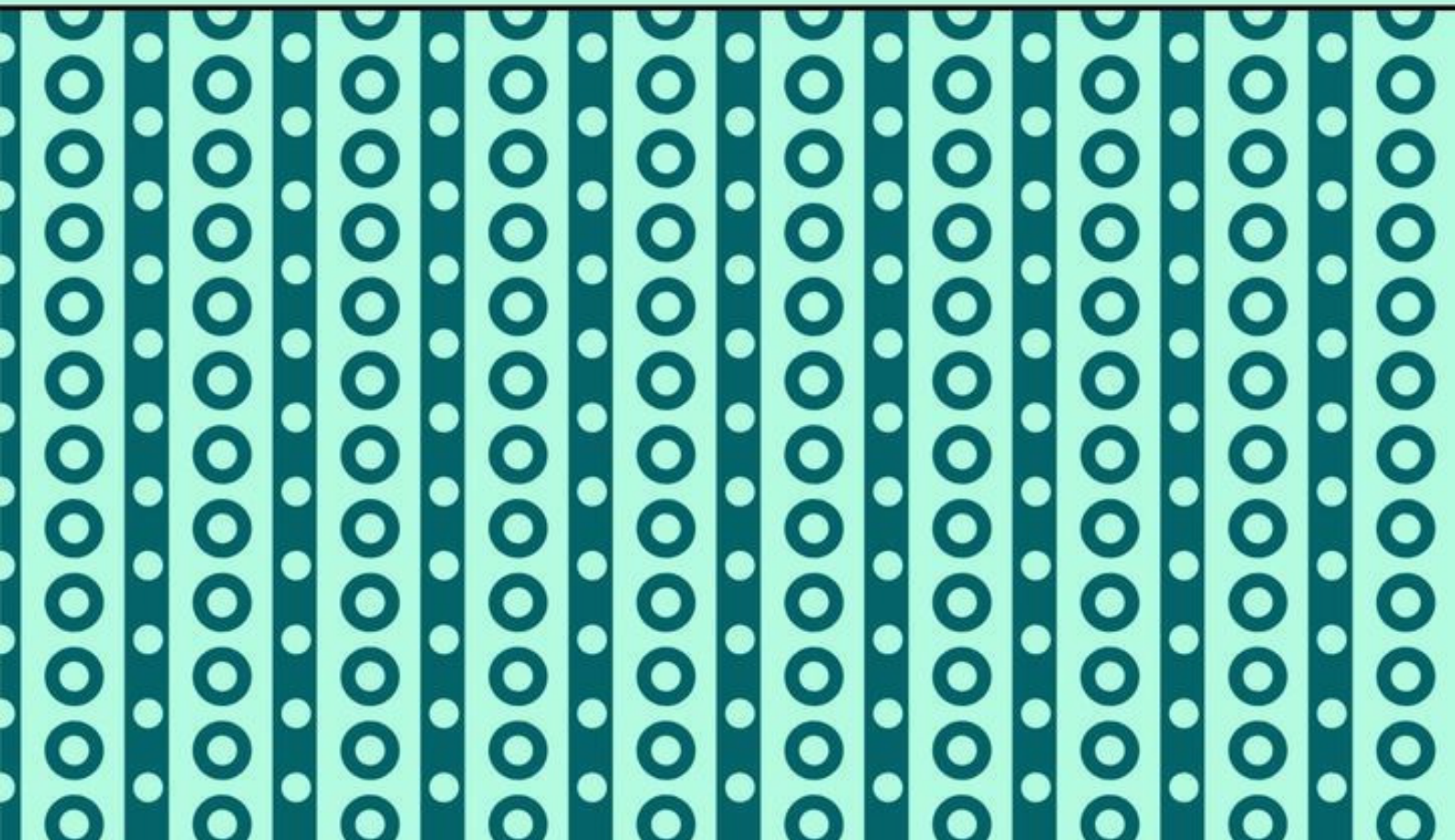

18+ Ирина Июльская

*Нинель, или
Роль зонтика
в судьбе*

Ирина Июльская

Нинель, или Роль зонтика в судьбе

«Издательские решения»

Июльская И.

Нинель, или Роль зонтика в судьбе / И. Июльская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535110-4

Кризис среднего возраста, помноженный на обстановку 90-х годов в России, как в зеркале, отразился на членах семьи Звонаревых. Нинель Звонарева «спасает», как может, своих близких, главным образом, единственного сына Матвея, влюбленного в девушку с Черкизовского рынка. У бывшего любовника Нинель, Данилова, не лучше обстоят дела. Несмотря на высокое материальное положение и успехи в бизнесе, семья Даниловых тоже терпит крах. Интриги, психологические трансформации героев вызовут интерес читателей.

ISBN 978-5-00-535110-4

© Июльская И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1 Семейство Звонаревых	6
Глава 2 Старая записная книжка	9
Глава 3 Голос из прошлого	11
Часть 4 Как предстать перед экс-любовником через двадцать лет	13
Глава 5 Как не запачкаться в метро	15
Глава 6 Преображение с GUCCI	17
Глава 7 Парень созрел...	20
Глава 8 Все под контролем	22
Глава 9 Как хорошо, что у меня сын!	24
Глава 10 И день настал	26
Глава 11 Рыдания в подушку	30
Глава 12 Первые трудовые деньги	32
Глава 13 Путевка в жизнь	34
Глава 14 Ранним утром	36
Глава 15 Богатые тоже плачут	38
Глава 16 Как «открыть» сыну глаза	39
Глава 17 Ни счастья, ни покоя	42
Глава 18 Неожиданный звонок	44
Глава 19 Чего надо мужику...	46
Глава 20 Ян – Королевич	48
Глава 21 Лиза в гостях у Звонаревых	49
Глава 22 Кража со взломом	51
Глава 23 Когда любовь убивает	53
Глава 24 В гостях у Воланда	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Нинель, или Роль зонтика в судьбе

Ирина Июльская

© Ирина Июльская, 2023

ISBN 978-5-0053-5110-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1 Семейство Звонаревых

Они были московскими Ромео и Джульеттой начала 90-х годов, теперь уже оставшегося за поворотом истории XX века. Время, надо сказать, не самое веселое. Но и тогда люди встречались, люди влюблялись... Женились реже, чем в застойные, но все же случалось. Ромео был студентом пятого курса дневного отделения престижного ВУЗа и звали его Матвей Звонарев или Звонарь, как его окрестили дружки еще по школе, а Джульеттой была она – Лизочка Смирнова, девушка пока без корочки ВУЗа, который ей даже и не светил в силу тяжелых времен и бедности родителей. К своим девятнадцати годам ей пришлось сменить несколько работ, в пределах все того же рынка, приснопамятного Черкизона, торгово-криминальной империи Тельмана Измаилова времен Лужкова. Сейчас подзабываться стало, но сия пора уже намертво вписана в историю современной России и ее оттуда ни перфоратором, ни динамитом... Дети и молодежь 90-х, те, которым тогда было чуть за двадцать и которые уцелели от криминальных разборок, наркотиков и прочих атрибутов того времени. Поколение – «перекидной мостик», помнящее советскую школу, быт позднего периода застоя и волею судьбы или просто по дате своего рождения, оказавшиеся в самом аду дикого капитализма 90-х годов. Их, как щенков с едва открывшимися глазами, зашвырнули в это пекло. Тем, кто старше было еще труднее в силу застоя в мозгах и инертности, а порой просто неумения и нежелания принимать реалии новых времен «Перестройки» и встраиваться в меняющуюся на глазах жизнь накануне и после распада СССР.

Впервые Матвей увидел Лизочку на рынке. Она тащила какой-то тяжелый тюк, а впереди шел вполне себе пустопорожний хозяин торговой точки. Это был представитель южной диаспоры, крепко вписавшейся в бизнес Москвы.

Девушка старалась не отставать от хозяина, огромная клетчатая сумка в ее слабых девичьих руках постоянно попадала под ноги покупателям, идущим навстречу тесным потоком, а они, в свою очередь, разглядывали товары, развешанные по верхам бесконечно-длинных торговых рядов и прилавков. Периодически раздавался зычный голос: – Ноги! Расступииись, задавляюю! Ноги, ноги! – И толпа рассекалась, давая дорогу толкателю тележки с товаром, затем вновь смыкалась и продолжала течь рекой вдоль рядов самого огромного вещевого рынка Москвы.

Девушка была худенькой, бледной блондинкой с прилипшими ко лбу прядками волос. Она заметно устала и тащила сумку двумя руками перед собой. Сумка была по ногам, ей было неудобно так идти, но она боялась, что не успеет за своим хозяином, который периодически поворачивался, чтобы убедиться, что она не отстала.

Матвей приехал на рынок по делу, а именно, купить к лету кроссовки и джинсы, но решил на время изменить свой маршрут, чтобы помочь девушке. Он вынырнул из толпы встречного движения и быстро приблизившись к Лизе, уверенным движением выхватил сумку из ее слабых рук. Он даже и опомниться не успел, как в ту же секунду рядом с ними возник хозяин. Перед лицом Матвея грозно сверкнули черные глаза на потной физиономии, с непроходящим даже зимой загаром. Изо рта с гильзами золотых зубов вырвалось:

– Тебе че, жить надоело? —

Хозяин вырвал у Матвея клетчатую сумку и схватив парня за руку, что-то закричал на чужом гортанном языке, как вдруг словно из-под земли возникла стража в лице двоих здоровенных южан, один из которых больно ударил Матвея в грудь:

– Ты че, Чмо? —

Второй стражник ударил по ногам и свалил на грязный, весь в окурках, заплыванный рыночный асфальт, заломив руки Матвея за спину. Все произошло настолько стремительно, что студент и слова сказать не успел. Первый стражник наступил на руку Матвея, а другой ногой двинул в живот. Затем они подняли его за ворот рубашки с асфальта и поволокли через толпу, которая по-прежнему безразлично текла вдоль прилавков.

Приволокли Матвея в какую-то бытовку на окраине рынка, где ему досталось несколько крепких пинков от стражников и только выпавший из карманов брюк студенческий билет и несколько денежных купюр, которые он не успел потратить, спасли Матвея от обещанной угрозы сделать парня пациентом стоматологии. Деньги забрали, а студенческий вернули со словами:

– Чтобы тебя здесь не было. Увидим – уьем. —

Домой Матвей приехал весь грязный, разорванный и без денег. В квартире была мать – Нинель, женщина сорока пяти лет достойная жена бывшего номенклатурщика Анатолия Звонарева – отца Матвея, тяжело переживающего современный Апокалипсис в стране, которую он преспокойненько строил всю свою сознательную жизнь еще со времен ВЛКСМ и которую он вместе с этой и другими властными структурами так бездарно сдал, оставшись у разбитого корыта. Подвела Анатолия Дмитриевича интуиция или чутье, проспал, вовремя не перестроился и семью обрек на свободное плавание среди обломков затонувшего корабля. Возможности иссякли, привычка жить хорошо осталась, а к какому кораблю на плаву пристать понятия не было. Анатолий Дмитриевич пребывал в грусти и затяжной горестной задумчивости, постепенно распечатывая стратегические запасы, неприкосновенно хранимые долгие годы, – свой знаменитый бар, пополняемый когда-то благодарными посетителями его кабинета в райкоме партии. Вот это была жизнь! Тишь да гладь и Божья благодать. Главное, – не высываться, не идти вразрез с генеральной линией, как делали все его предки, потомственные функционеры, благополучно пережившие и годы репрессий, и «Оттепель». Однако это и подвело Анатолия Звонарева, пересидел он в окопе, перестраховался и в цветущем возрасте мужчины сорока пяти лет потихоньку спивался в домашнем одиночестве.

То ли дело Нинель! Она и без того всю жизнь сангвиник, а теперь еще более активизировалась. Видимо, ее время настало. Она, без терзаний и тормоза робости с утра доставала огромный список телефонов «нужных» людей еще по светлому прошлому и по списку обзванивала всех с целью пристроить мужа на работу. А он, запершись в спальне, дегустировал коньяки, джины, виски славных застойных времен и засыпал сном младенца, все заботы свалив на жену.

– Сыну повезло поступить в институт еще до коммерческих времен, скоро защитится, глядишь найдет работу и закрепится в этой жизни. – С этой, примиряющей его с действительностью мыслью, Анатолий с легкой душой пропустил еще стаканчик и сидя на диване незаметно уснул.

А у Нинель с каждым звонком становилось все гаже на душе. Список она составляла собственноручно. В начале шли люди приятные во всех отношениях, с кем никогда не было конфликтов, а лишь только добросердечные отношения, незапятнанные завистью, карьерным соперничеством и прочими вещами обыденными для номенклатурной среды, но такие люди, как правило, дрейфовали в низших эшелонах власти и так же, как они с мужем остались за бортом жизненного успеха, за редкими исключениями. Они искренне радовались звонкам Нинель, а особенно возможности понастальгировать по тем временам, когда были молоды, красивы и, как им казалось, счастливы. К этой категории относились, в основном, женщины: коллеги, сотрудницы Нинель по райкому КПСС, но у этих женщин были мужья, разузнать о них и было главной целью Нинель Звонаревой. Она осторожно задавала косвенные вопросы, интересовалась здоровьем мужей, подросших детей, чтобы узнать, чем они заняты на данный момент и каковы их успехи в новой жизни. Но Нинель не учла одного, что женщины эти были из одной с ней среды и, как она, умели вовремя почувствовать подвох или скрытый интерес собесед-

ника. За годы работы научились всему и, как только речь заходила о главном, собеседницы или скучнели, или старались свернуть тему на тропу былых воспоминаний, что означало конец разговора. Лишь одна, Мария Павловна Буракова, серьезно постарше Нинель, с которой они бывало и вступали в обостренные отношения, смогла ей выдать на-гора общее положение дел у всех по фамилиям и должностям. Как ей удалось добыть столько полезной информации, Нинель так и не поняла. Самой Марии под шестьдесят, муж умер, детей не было, живет с сестрой, квартиру которой сдали в аренду. Так, что самой Марии Павловне от жизни уже ничего не надо, кроме здоровья. Она приспособилась. А наличие безгранично-свободного времени и безлимитного телефона в квартире помогло добыть для Нинель кучу полезной информации, так как с Марией бывшие коллеги охотно делились, они знали, что лично ей от них ничего не нужно, а язычки почесать хотелось каждой. Так постепенно и возник список положения дел у бывших коллег по райкому, а также горкому партии, в котором Мария Павловна проработала с молодости всю жизнь, до тех пор, пока некоторые коллеги не побежали с тонущего корабля. Кто-то публично сдавал партбилеты и пересаживался в кресла банкиров и бизнесменов, а кто-то припрятывал на «второе дно» чемоданов в надежде, а вдруг Оно вернется...

Когда Нинель позвонила, Мария Павловна пребывала в прекрасном, даже приподнятом состоянии духа, только что отобедав и наслаждаясь блюдами, заботливо приготовленными сестрой, моложе ее на восемь лет и добровольно взявшей на себя роль кухарки и прислуги по уходу за старшей сестрой. Когда-то Мария помогла ей поступить в институт и прописаться в Москве. Ну, и дальше; на работу устроила, хоть и не в номенклатурные органы, а все же во вполне приличную организацию. Да и пайками или заказами к праздникам не забывала снабжать. Теперь наступило ее время заботиться о старшей, а та принимала ее старания, как само собой разумеющиеся и телефонная трубка не остывала в квартире Марии Павловны Бураковой. Поняв, чего на самом деле нужно сто лет не звонившей ей Нинель, она охотно стала делиться информацией, которую сама с регулярной периодичностью обновляла и могла поклясться за ее достоверность.

Благодаря этому, Нинель Звонарева получила все интересующее ее сразу и в одном месте, что весьма упростило и облегчило, поставленную перед ней задачу. В списке людей, нашедших себя в современной России 90-х годов, было несколько имен, в основном мужских, и Нинель после разговора с Марией Павловной решила сделать небольшую паузу, чтобы немного поразмыслив, приступить к самой вершине Айсберга.

Из пяти фамилий трое были в длительных командировках за границей, оставалось двое: Самохвалов, которому она ни за что не позвонит, потому что знает, что это бесполезно. Он всю жизнь ненавидел Толю, ненавидел молча, а узнать о том, что тот прозябает в тупиковой ситуации, так это все равно, что пролить бальзам злорадства на его завистливую душонку. Нинель сразу вычеркнула телефон Самохвалова из списка. Остался всего один – Валерка Данилов, их одногруппник по институту и ее бывший любовник, с которым у Нинель когда-то случился страстный, но кратковременный роман. Вспомнив о нем, Нинель Звонареву насквозь прошло былое и, казалось, пропавшее напрочь либидо. И куда все девается с годами... Валерка, теперь Валерий Николаевич высоко взлетел в бизнес-кругах, не олигарх, конечно, но лет через несколько, вполне возможно, станет таковым. Она как-то наткнулась на интервью с ним в одном из уважаемых изданий. Холеный, роскошный, уверенный в себе. Интересно было бы глянуть на его жену-ровесницу. Они как-то встречались несколько раз в общих компаниях. О, как давно это было! Хотя годы летят и двадцать лет пролетело, словно «Сапсан».

Глава 2 Старая записная книжка

С замиранием сердца Нинель стала набирать телефон Данилова, который, когда-то отлично помнила. В памяти сохранилось как Валерка сам записал свой номер домашнего телефона в ее записную книжку, тогда еще новенькую, недавно купленную в киоске Союзпечать на улице Горького, что рядом с издательством Известия. Она даже помнила где и как это было. На первом курсе. До этого он, как-то в спешке и, как показалось Нинель мимоходом, попросил номер ее домашнего телефона, а она шутя ответила, что скоро купит новую телефонную книжку, тогда и даст. Трудно понять женскую логику. Нинель помнила, как остановила его в одном из длинющих институтских коридоров и с улыбкой спросила:

– Ты все еще интересуешься моим телефоном? – и не дожидаясь ответа протянула ему новенькую книжечку, в которой был записан ее номер. Это был подарок. А ему протянула вторую, такую же близняшку, купленную для себя, где он и записал свой телефон, таким образом у них были одинаковые записные книжки.

В тот день она набирала телефон Данилова еще неоднократно, но кроме протяжных гудков в трубке так ничего и не услышала. Закралось сомнение в правильности номера телефона. Пришлось даже долго разыскивать ту самую записную книжку, чтобы сверить номер с данным Марией Павловной. Для этого Нинель сняла с антресолей и перетряхнула содержимое хранимых годами старых сумок, кейсов и даже потертого чемоданчика, с которым покойный папа ходил в бассейн. И вот, нашла ее, свидетельницу своей студенческой юности. Потом, по долгу службы, им выдавали на работе канцелярские принадлежности: ручки, календари, ежедневники и записные книжки с партийной символикой очередных съездов партии, проходивших каждые четыре года.

Нинель надела очки и раскрыла свою старенькую записную книжку. Из нее выпал листок бумаги, а в нем засушенный полевой цветочек. Больше двадцати лет прошло, но он не утратил своего сиреневого цвета и еле уловимого аромата летнего русского поля.

На последней страничке есть стихи, которые Валерка посвятил ей. Она перечитала их и тихо вздохнула. Они тогда с Толиком сражались за ее сердце с попеременным успехом, а она, вся такая гордая и неприступная, умело манипулировала ими, чувствуя себя этакой Дульси-ней.

Эх, молодость, молодость! Нинель бросила взгляд в сторону зеркала, висевшего на стене напротив нее. Да, сорок пять. Она уже не двадцатилетняя русалка с осиной талией в мини юбке и бесконечно длинными ногами, но, как говорят в народе: «Сорок пять – баба ягодка опять!» Просто последние годы неудач подкосили ее, работать предлагают только за прилавком или уборщицей, на что-то более стоящее кандидатуры сорокалетних даже не рассматриваются. Естественно, она не пойдет ни за что на такую работу. После смерти отца сдали в аренду родительскую квартиру и дачу в Малаховке, на то и живут все эти последние годы. Они не голодают, на хлеб хватает, но как дальше жить, да и Толик спивается без работы...

Нинель, убедившись в правильности телефона Валерки, теперь Валерия Николаевича, стала крутить диск аппарата. Через три длинных гудка трубку взяли и на другом конце провода раздалось женским голосом: – Алло!

Нинель нажала на кнопку, говорить с женой Данилова ей совсем не хотелось. Она решила позвонить позднее, когда трубку снимет он, ее старая неспетая песня. Впрочем, не такая уж и неспетая! Встречались они в пору их краткосрочного романа в квартире ее покойного отца, когда тот был на даче в Малаховке и там же в Малаховке, когда отец был в Москве. Их роман прервался из-за заграничного командирования Валерия, с его поспешной женитьбой на Алевтине перед самым отъездом. Он был командирован в Африку по линии экспортной союзной организации на три года, потом командировку продлили еще на три года. Приходили письма на квартиру

отца. Она, получая их, тут же писала ответ и отправляла по авиапочте, благо в доме отца было почтовое отделение. Валерий иногда присылал ей посылки с французскими духами, красивыми шелковыми шарфиками и прочими милыми мелочами. Потом письма стали приходить все реже и реже, а с ними и бандерольки с подарками и сувенирами. Письма и пару фотографий Валерия из Африки Нинель хранила в квартире своего вдовствующего отца, которого совсем не интересовали эти амурные дела, он так ничего и не заметил, до конца дней своих. Перед сдачей квартиры жильцам, Нинель нашла эту пачку писем, перехваченную ленточкой, последний раз прочитала их, посмотрела на фото экс-возлюбленного и сожгла. Потом пожалела, – надо было перепрятать получше, чтобы в старости предаваться воспоминаниям. Мужу Нинель с тех пор ни разу не изменила. В семье подрастал сын Матвей, да и у Валерия дочь родилась там же, в Африке. На этом их история закончилась, а со временем и почти забылась. И вот опять... Интересно помнит ли он ее? Но чего не сделаешь ради мужа с сыном... И Нинель начала вновь крутить диск домашнего телефонного аппарата, набирая номер. Опять взяла трубку жена. Пришлось попросить кого-то из несуществующих в природе лиц. Ей ответили, что она ошиблась и положили трубку. Нинель пожалела, что не позвала к телефону самого Данилова: – Что за детский сад! – мелькнула мысль. И пришла идея; – А пусть муж сам позвонит и поговорит, все же они были когда-то друзьями, хоть и соперничали из-за нее.

Она поставила на плиту чайник и начала разогревать еду. Когда они всей семьей отужинали и сын скрылся в своей комнате, Нинель обратилась к мужу: – Позвони Данилову, у него собственный бизнес по поставкам рефрижераторов в жаркие страны, говорят разбогател. Попробуй, чего терять, вы когда-то дружили. —

Анатолий криво усмехнулся:

– Я тебя у него увел, забыла? Станет он помогать мне. —

– Ну, это когда было... он тоже женат и у него, кажется, дочь года на два-три моложе нашего Матвея. Алевтину его помнишь? Мы же провожали их тогда в Африку. – голос Нинель слегка дрогнул.

– Не буду звонить. Не хочу. – отозвался муж. Видела какой парень пришел? Кто-то отделил его по полной и деньги отняли. Беспредел полнейший. —

– Тебе нужна работа, Толик. Ты спиваешься. Сколько мы можем существовать за счет папиного наследства. Тебе сорок пять всего! – в сердцах бросила жена и вышла из кухни, закрыв за собой дверь. Анатолий сжал голову руками и так остался сидеть за столом их кухни.

Глава 3 Голос из прошлого

Вдруг раздался телефонный звонок. На их кухне был установлен параллельный аппарат, что в те времена было во многих квартирах, независимо от количества комнат и размера жилой площади.

– Кто бы это мог быть? – мелькнула мысль у Анатолия, прежде чем снять трубку. На другом конце провода он услышал тихий женский голос, который сразу узнал, хоть и не слышал его целую вечность:

– Привет! —

Сердце Анатолия скакнуло в груди и почему-то отозвалось в паху. Давно забытое, щемящее чувство юности:

– Она! —

Только она так немного грассировала – мягко, нежно. Голос с годами меняется, а ее совсем не изменился. Аля! Аленький цветочек!

Хмель вылетел из Анатолия и он лишь выдохнул в трубку:

– Аля? Цветочек аленький... —

В трубке воцарилось молчание, затем:

– На моем домашнем телефоне, на определителе сегодня несколько раз высвечивался твой номер. Что-нибудь случилось, Толя? – Ее голос был искренен и даже тревожен, как будто и не прошло больше двадцати лет...

Анатолий растерялся, затем, собравшись:

– Жена, наверное, звонила, ей что-то нужно от твоего мужа. Прости, я не очень в курсе. —

Они оба опять ненадолго замолчали. Затем голос в трубке произнес:

– Он в этой квартире почти не бывает, с некоторых пор живет отдельно. Запиши телефон. —

– Да, да сейчас. – Анатолий стал судорожно искать ручку и на чем бы записать. Под руку попала пачка из-под сигарет, на ней он и нацарапал номер, продиктованный Алевтиной. Наступила неловкая пауза, разговор дальше не шел. Она немного помолчала, затем попрощавшись, первой положила трубку, а он так и сидел какое-то время с трубкой в руке и лишь потом положил ее на аппарат.

В кухню вошла Нинель. Порозовевшая, она только что приняла душ и на ее голове возвышался тюрбан из яркого оранжевого полотенца.

– С кем говорил? – спросила жена, ставя на плиту чайник.

– Звонила жена Данилова, оставила его телефон. —

Анатолий вынул из пачки Кент последнюю оставшуюся сигарету и протянул пустую пачку жене:

– Вот его номер. —

Нинель взяла с некоторой досадой, что ее высветил определитель, который она не заметила, но неприятное чувство, что ее разоблачили и поймали за руку, сменилось радостным волнением: – Данилов живет отдельно от жены... это даже интересно и многое упрощает. – В голове Нинель стали тесниться разные мысли, одна перескакивала другую, но привычный для нее рационализм взял верх:

– Посмотри на себя! Он уже давно не Валерка, да и ты не девочка. Он – Валерий Николаевич Данилов, гендиректор фирмы по поставкам рефрижераторов и еще до кучи всего за границу. Богатый человек, бизнесмен, мужчина в самом соку. Сорок пять – для мужчины расцвет! А вот для женщины... – и мысли Нинель Звонаревой потекли в направлении грусти быстротечности времени и бренности бытия. Что ж, Нинель Звонарева всегда твердо стояла на земле,

умела определять цели и добиваться их осуществления. Цель у нее была. Ей надо встретиться с Даниловым, а дальше как получится.

Для начала нужно составить план действий или, как минимум, два варианта плана. Она должна достойно выглядеть, чтобы не разочаровать экс-возлюбленного и свидетеля ее первой молодости. Задача не из простых. Нинель начала обдумывать в чем она пойдет на встречу с ним. Она так давно себе ничего не покупала! А фирменные вещи, купленные когда-то в Березке, все безнадежно малы. Она так поправилась дома сидючи... Ест немного, но эти перекусы: чай-кофе, бутерброды, а еще и со сладким грешит частенько. Нинель подошла к зеркалу и стараясь как можно беспристрастнее, стала осматривать себя. Из зеркала на нее смотрела сорокапятилетняя женщина со следами былой красоты. Нет, она еще не совсем вышла в тираж, о чем свидетельствует четкий и регулярный график ее критических дней, и как сказала гинекологша: – Держитесь за это, дорогая, если не хотите стареть. —

Но все же... волосы, лицо, зубы – все в приличном состоянии. В свое время ведомственная поликлиника, к которой она была прикреплена, хорошо помогла ей: врачи, аптека для номенклатурных работников, а также обеды в их райкомовской столовой, – вкусные, сбалансированные и за сущие копейки. А санатории, а путевки в дома отдыха с профсоюзными скидками! О, теперь о такой жизни только мечтать! Придирчивым взглядом на собственное отражение в зеркале Нинель нашла свое слабое место – шея! Она все портит. Сама виновата, всю жизнь любила читать, лежа в постели, вот и получите – «гармошку» на шее! И, не желая продолжать исследование собственного лица, Нинель отошла от зеркала, а в мозгу словно выстрельнуло: – Это ты еще тело свое не рассматривала при дневном свете. —

Нинель ухмыльнулась: – Ну, думаю, до этого и не дойдет! А если и дойдет, постараюсь, чтобы было не при дневном свете! – И она, сжимая в руке пачку из-под сигарет с номером телефона, удалилась в спальню, – по совместительству ее будуар, чтобы набрать вожаемый номер. Воскресный вечер, наверняка дома! Нинель, аккуратно переписав номер с помятой сигаретной пачки в свою записную книжку и отпив глоток теплого еще чая, начала набирать номер Данилова, но, к ее разочарованию, в этот вечер к телефону так никто и не подошел. – Может в командировке? – мелькнула мысль. – Или у любовницы? – потеснила ее догадка. – Хотя живет один... мог бы и к себе. Ладно, не буду гадать, завтра понедельник, но по моему гороскопу – счастливый день. Вот завтра и начну с утра. – успокоила себя Нинель. Она скинула шелковый халатик и легла под пуховое одеяло – подарок родителей на свадьбу. Легкое, из лилового атласа, оно прекрасно сохранилось. Мерзлячка Нинель блаженно вытянулась под ним и вдруг внезапно почувствовала прилив желания, давно забытого и, казалось, потерянного навсегда. Она даже улыбнулась и, как кошка потерлась спиной о простыню.

– Чтобы это значило? Толя пьет на кухне. В последнее время общение с ним на их супружеском ложе почти сошло на нет, а она еще молода, жива, хоть и совсем забыла о себе, как о женщине. Затворницей заперлась в квартире и все ее мысли и интересы свелись: муж-сыном! Нет, это неправильно, так не должно быть! Да, сорок пять, но до пенсии еще десять лет! Завтра пойду по магазинам и куплю себе дорогой импортной косметики, духов, схожу в салон! Жизнь не кончается в сорок пять лет! – и с этими мыслями Нинель Звонарева отошла ко сну.

Часть 4 Как предстать перед экс-любовником через двадцать лет

Утром следующего дня Нинель открыла глаза с первой же мыслью позвонить Данилову на работу. Муж спал в гостиной на диване, чтобы не отравлять винными парами воздух в спальне. Нинель не переносила запаха алкоголя рядом с собой. Она привыкла зимой спать при открытой форточке, а летом – при раскрытой балконной двери.

Откинув край одеяла, Нинель потянулась на кровати красного дерева из гарнитура, подаренного ее родителями. В свое время папа, будучи директором Райпищеторга, обладал обширными связями в торговых кругах Москвы. Мать всю жизнь не работала и имея филологическое образование, посвятила свою жизнь мужу и единственной дочке Нинель, тогда еще Закревской. Родители боготворили дочь еще и потому, что до ее рождения потеряли сына, одиннадцатилетнего Михаила, трагически попавшего в воронку водоворота деревенской речки, затянувшего его на дно. Нинель родилась, когда матери было уже под сорок, а отцу и вовсе под пятьдесят. Дочь стала для них настоящим спасением, а учитывая ее кукольную красоты личико с золотистыми локонами, голубыми глазками и ямочками на розовых щечках, в семье ее называли не иначе, как Ангелочек. Забалованная, разнеженная и всегда разодетая во все самое лучшее, Нинель с детства не знала ни в чем отказа. Выдавая дочку замуж, отец расщедрился и на кооператив, и на мебель с коврами и богемским хрусталем для новой квартиры молодоженов, что по тем временам было роскошью для избранных.

Сын уже ушел в институт, муж, судя по храпу, продолжает отсыпаться в гостиной и Нинель, сбросив с себя тонкую шелковую сорочку, направилась напрямик в душ. Проходя мимо большого зеркала, успела взглядом оценить свою, пусть и немного располневшую, но еще такую привлекательную и женственную фигуру «песочные часы», хотя сейчас ей больше бы подошло определение «скрипка». – Надеюсь, до «виолончели» дело не дойдет, – внутренне усмехнулась Нинель, – и все же надо сбросить пару-тройку килограммов! Теперь, когда на ее горизонте опять возник Данилов, она должна воспрянуть духом и как знать... морально она уже готова возобновить отношения с ним, разорванные его отъездом в Африку и женитьбой на этой амебе Алевтине. И поделом он бросил и съехал от нее. Она всегда была не парой Валерке. И почему она сама сразу не вышла за него замуж, а предпочла Звонарева... Данилов красивее и темпераментнее. Она рано разобралась в том, что у многих женщин происходит гораздо позднее вступления в брак. А у некоторых и, вообще, никогда. Нинель поняла это сразу и уловила разницу между мужем и любовником с предпочтением последнему. Сердце забило в груди, как пойманная птичка, внезапно нахлынули старые воспоминания.

Нинель, надев водонепроницаемую шапочку с ромашками, включила душ на всю мощь и встала под его сильные тонкие струи. Вода под напором приятно била в спину, разгоняя по телу кровь. На этот раз она израсходовала на себя весь импортный бальзам, который берегла и экономно растягивала пользование им. Больно укололо осознание ушедшей молодости:

– Надо пройтись по магазинам, прикупить себе косметику и новую одежду, чтобы не разочаровать своего экс-любовника, когда предстанет перед его ясными очами почти через двадцать лет. И когда она будет в форме, только тогда и позвонит ему. Не надо торопиться, вдруг он сразу назначит ей встречу, а она не готова. —

Уже за утренним кофе Нинель с отчаянием вспомнила, что у нее совсем нет денег на приличную одежду, уж не на Черкизон, в самом деле, ехать за покупками... В голову пришло лишь единственно верное решение: – Она позвонит Эмме, жене коммерсанта, которому сдала свою квартиру, вернее, доставшуюся ей по наследству от родителей. Она возьмет у квартирантов

плату вперед за полгода, а оставшиеся деньги договорится разбить до конца года по месяцам с учетом аванса. Им должно хватить на питание и оплату коммунальных. Ну, а когда Толя устроится на работу, будет значительно легче. Сын на последнем курсе и скоро тоже начнет работать. Так, глядишь, и наладится их жизнь. —

Нинель, выпив кофе без сахара, посмотрела на настенные часы, которые показывали десять утра. Эмма Рабинович уже проводила сына в школу, самое время позвонить ей и назначить встречу.

Чета Рабиновичей с сыном Рафиком прибыла в Москву в конце 80-х из славного города Баку. Им повезло уехать до погромов, чем спасли себя, ребенка и деньги. Они успели благополучно продать бакинскую квартиру и на эти деньги отец семейства открыл бизнес по закупке товаров за границей, в основном, предметов одежды и обуви. Приехав в Москву, Ариэль Рабинович арендовал секцию под склад в огромном ангаре неподалеку от гостиничного комплекса «Измайлово», исторического места рядом с Серебряным и Виноградными прудами, где молодой Петр устраивал потешные бои с мечтами о морях для России. Когда агент по недвижимости, в лице хрупкой девушки Наташи, сообщила, что подыскала семью коммерсанта с фамилией Рабинович, то Нинель, кивнув головой в знак согласия, ответила, что лицам еврейской национальности сдаст квартиру не глядя. И она не прогадала, Ариэль Рабинович, или Арик, был преуспевающим коммерсантом средней руки, деньги у него водились, а семья и семилетний сын-школьник были тем надежным якорем, что удерживал на месте, не позволяя съехать с арендованной жилплощади за одну ночь. Квартира отца Нинель произвела на Рабиновичей заслуженное впечатление. Две большие светлые комнаты, просторная кухня, дом в тихом зеленом районе рядом с метро, приличное состояние недавно сделанного ремонта и милая в общении хозяйка, с которой Эмме захотелось сразу подружиться. Отцовскую громоздкую мебель было решено оставить жильцам, взяв с них честное слово аккуратно относиться к этим дубовым раритетам начала 20 века. Успокаивало то, что цельный массив дерева и дореволюционное качество работы краснодеревщиков выдержат арендаторов, а деньги, да еще и в долларах, Звонаревым ой, как нужны. Дачу в Малаховке побоялись сдать в круглогодичную аренду, а вот на лето по рекомендации знакомых, Нинель все же решилась. Это тоже помогало держаться на плаву, но одеваться, покупать себе что-то из фирменных вещей – для Нинель было не по средствам.

Трубку взяла Эмма. Быстро изложив суть вопроса, Нинель дожидалась ответа от жены коммерсанта. Та, немного помявшись, согласилась поговорить с мужем, когда он вернется с работы. Попрощавшись, они положили трубки. Выдохнув, Нинель позвонила в салон записаться к косметологу на чистку и массаж лица, а также другие процедуры, позволяющие отгонять от себя возраст. Нинель благоразумно решила потратить свою записку на косметолога с парикмахером и педикюр-маникюр. Неожиданно ей перезвонили и предложили приехать в салон, у мастера образовалось «окно» и Нинель, не раздумывая, отправилась туда. Поехала на метро, всего-то две остановки в пути и рядом с выходом из подземки находится салон, когда-то под названием «Москвичка», а теперь сменивший вывеску на «Престиж». Это двухэтажное здание из стекла и бетона Нинель, в свое время, посещала с календарной периодичностью, были у нее и свои постоянные мастера с их домашними номерами телефонов, чтобы сразу можно было позвонить, если что-то срочно. Нинель с некоторыми сдружилась, но с приходом «Перестройки» и потерей работы всех растеряла и когда после долгого из-за безденежья перерыва пришла, чтобы «почистить перышки» и привести себя в порядок, из ее старых мастеров никого не осталось. Городская служба быта была реорганизована, салон приватизирован и сменил почти весь кадровый состав. Так Нинель и осталась без своего парикмахера, массажистки, маникюрши, что только усугубило ее вынужденный отказ от их услуг и, как следствие, потерю былого лоска, повлекшее значительное снижение самооценки.

Глава 5 Как не запачкаться в метро

Если хотите больше узнать о незнакомом вам городе, спуститесь в метро, поудобнее усядьтесь в вагоне от начала движения и в путь. Конечно, лучше не в час пик, а когда он минует и толпы едущих на работу рассосутся. Московское метро... романтическая атмосфера пятидесятых, когда все поголовно читали, буквально на ходу. Читать было модно и книги были нарасхват. Шестидесятые не менее романтические, когда в метро назначали свидания. Оно сверкало хрусталем светильников и поражало красотой не только приезжих, но и нас москвичей. Подземный дворец. Даже во время войны строительство метро не прекращалось! Идеальная чистота, свежий, прохладный воздух в летнюю жару и ласковое тепло в зимнюю пору. Помню уютную атмосферу на Смоленской с книжным прилавком на выходе, а на входе с соком, который продавщица выливала из трехлитровых банок в большие стеклянные, начищенные до блеска конусы. Сок был натуральный, без консервантов: яблочный, вишневый, сливовый, виноградный, томатный. На прилавке стояла солонка с солью и черный перец в перечнице. Стоило все настолько недорого, что люди не задумываясь лезли в карманы, а главное, вкусно и полезно. Пролетели семидесятые, за ними восьмидесятые канули в лету... молодые люди тех лет в начале девяностых уже заметно постаревшие, выглядят устало и уныло в московском метро, которое все больше стало напоминать русло реки с бесконечным потоком людей со всего бывшего Союза. Грязь, наркоманы на полу, вонючие бомжи, спящие на сидениях кольцевой линии... Сейчас все это уже в прошлом, метро опять засияло, открылись новые станции, люди могут спокойно сидеть на местах, не боясь подхватить чесотку или чего похуже. Но тогда, в начале девяностых это еще только впереди. Утренняя толчея, особенно на пересадочных узлах где вокзалы. Впрочем, весь город превратился в сплошной базар-вокзал. Люди, как груженные верблюды, тащат свои поклажи на стихийные рынки, возникшие рядом со станциями метро, делая проезд москвичей, спешащих на работу в свои офисы, институты, больницы настолько некомфортным, что многие тогда ставили чуть ли не целью жизни покупку автомобиля, чтобы не тереться и потеть по утрам и вечерам. Метро стало напоминать монстра, захватывающего в свое нутро людей, которых она, пожевав, выплевывало из своего грязного и душного чрева.

Матвей ехал в институт по своему привычному за пять лет маршруту – по кольцевой. Он знал, что сейчас на Комсомольской многие «груженные» выйдут для пересадки на красную ветку и двинут дальше до Черкизовского рынка, куда стекались за покупками все небогатые москвичи и гости столицы. Впрочем, там можно было купить и весьма неплохие и даже добротные вещи. Весь вопрос был в количестве дензнаков. По выработанной за годы привычке, Матвей стоял у самых дверей, нужно успеть выйти и пропустить всех этих мелких торговцев, в основном женщин, и постараться, чтобы они не проехали колесами своих тележек по его новым кроссовкам, за ослепительной белизной которых он так следил. Аккуратно подстриженный, чистенький студент, в белой рубашке с короткими рукавами и наглаженных брюках был светлым пятном в этом перегруженном людьми вагоне, словно спрессованными в банке кильками.

Поезд затормозил, Матвей привычным движением вышел из вагона и занял место у входа, не позволяя себя отеснить, чтобы вернуться и продолжить путь. Внезапно его взгляд, зацепившись, выхватил из толпы девушку, ту самую с рынка, помочь которой он вызвался, за что и получил по ногам от охранников, принявших его за вора. Девушка выходила из вагона. На этот раз ее руки были свободны, лишь сумочка на длинном ремешке через плечо. Матвей, не раздумывая оторвался от входа в вагон и устремился за девушкой, боясь потерять ее из вида, а тут, как на грех, какая-то тетка с тележкой проехала по его ногам и прощай первоздан-

ная белизна Adidas, купленных мамой в фирменном магазине центра Москвы. Вещь дорогая, но в их институте ребята придают такое значение фирме, что в поддельных – разве что на дачу. Вещизм захватил московских студентов. Матвей стыдился своей бедности, когда изображал срочную занятость, чтобы не свалить в кафе с компанией богатых студентов, все заслуги которых сводились к деньгам родителей, а сами они и по знаниям, и по успехам в спорте были на несколько шагов позади него. Он был гораздо успешнее их в этом.

Пропустив вперед несколько женщин с тележками, Матвей «ножницами» перемахнул через разделительный барьер, чтобы не упустить девушку, спешащую на эскалатор. Тогда он ее окончательно потеряет в этом людском море. Перепрыгнув через барьер, он срезал расстояние и теперь, когда девушка встала на движущуюся ленту эскалатора, у него появился шанс догнать ее. Парень стал торопливо подниматься вверх по ступеням, чтобы добраться до незнакомки. И вот, запыхавшись от крутого подъема, он поравнялся с ней. Встав рядом и немного переведя дух, не нашел ничего другого, чтобы сказать, улыбнувшись: – Здравствуй! —

Девушка тоже улыбнулась в ответ, по ее глазам Матвей понял, что она узнала его и обрадовалась.

– Как вы? Я так испугалась за вас тогда. – она назвала его на «вы»...

– Нормально, жив! – ответил он. – Меня ваши архаровцы приняли за ворюгу. – Он смущенно улыбнулся. Движущиеся ступеньки под ногами сложились и приняли плоское положение. Лестница эскалатора доставила их на поверхность, где толпа разделилась на две части: к выходу и на пересадку. Они влились в поток людей, спешащих на красную ветку. По пути, заметив небольшой пустующий уголок у гранитной стены, Матвей, не растерявшись, взял девушку за руку и через мгновение они вынырнули из потока и оказались в этой свободной от людей нише, где можно было просто стоять, не боясь быть затянутым в движущуюся реку из человеческих тел. Матвей протянул девушке руку:

– Матвей Звонарев! —

Она протянула ему свою:

– Лиза Смирнова. —

Ее рука была прохладная, несмотря на жаркую духоту метро. Они стояли, глядя друг на друга, вовсе не думая о том, что он безнадежно опаздывает в институт на первую пару, а ей надо ехать на работу, где она пробудет за прилавком весь день. Матвею пришла в голову отчаянно-счастливая мысль: – Поехать вместе с Лизой на рынок. Черт с ним, с институтом, он и так почти отличник и из-за одного прогула ничего не произойдет. —

Матвей, немного смутившись произнес:

– Лиза, а можно я с тобой поеду? Может помочь чем-нибудь смогу? —

Лиза, чуть порозовев от смущения, кивнула:

– Сегодня хозяина не будет. —

И они, взявшись за руки, опять нырнули в людской поток, как в реку, понесшую их в сторону Черкизона.

Глава 6 Преображение с GUCCI

Арик Рабинович вошел в положение Нинель, конечно, не без помощи молодой и красивой жены, которую любил и безмерно баловал. А за обещание подарить ему и дочь, был готов на все. Сама идея потратить деньги на преобразование Нинель нашла горячее сочувствие у молодой и прекрасной Эммы Рабинович, смертельно скучающей в стенах пусть и московской квартиры. Эта семья принадлежала к весьма отдельно выделенной группе еврейского народа – горским евреям или татам. Если бы не фамилия Рабинович, то их запросто можно было принять за азербайджанцев или просто кавказцев, особенно Арика. За столетия жизни на Кавказе произошла мимикрия и Арик в Турции был турком, в Иране – иранцем, в арабских странах... короче он использовал свою универсальную внешность повсюду с успехом для бизнеса. А Эмма, с ее миндалевидными влажными глазами-маслинами была прекрасна, как библейская Саломея, но не так коварна, а напротив, обладала душой романтической и мечтательной. За год она перечитала почти все книги домашней библиотеки родителей Нинель и находилась под впечатлением русской и зарубежной классики, относясь к литературным героям, как к реальным людям. Вкрадчиво поинтересовавшись, зачем вдруг Нинель одновременно потребовалась крупная сумма в долларах, она одобрила план хозяйки по восстановлению отношений с бывшим любовником и первое, что она сделала, – это раскрыла перед Нинель свой необъятный гардероб, набитый сверху до низу импортными тряпками. Нет, среди них были и весьма неплохие, привезенные Ариком из разных стран: Китая, Турции, Польши. Были и подарки родственников из Израиля, куда репатриировалась бабушка Эммы с семьей сына. Вещи были красивые и вполне достойные дам, но Нинель, обладавшая утонченным вкусом, мечтала не о удачных подделках, а о настоящем GUCCI. На свою беду, ожидая мастера в очереди салона и пролистывая лежащие на столике глянцево-журналы, она наткнулась на наряд от этого дорого элитного бренда, увидев который, сразу поняла, – именно так она и должна быть одета, когда явится к Данилову. От туфель до сумки. Нинель немного озадачило, что в модели преобладал красный цвет, а сумка и туфли из сине-фиолетовой замши, но в этом и была фишка, изюминка образа. Нинель незаметно вырвала страницу из журнала, где был указан магазин и артикул модели, которую, несмотря на заоблачную цену, она решилась приобрести.

Поблагодарив Эмму, щедро распахнувшую свой гардероб, с целью кое-что продать Нинель по сходной цене и крайне удивившуюся, что содержимое ее кладовой не произвело на хозяйку должного впечатления, Нинель, сжимая в руке долларовые купюры, заторопилась распрощаться и побыстрее уйти. Она решила поехать в магазин прямо сейчас, не заезжая домой, чтобы войти в желанный образ с глянцево-картинки не откладывая, даже на день.

И вот, она в одном из центральных и дорогих магазинов Москвы. С волнением сердца спешит на линию, где согласно вырванной журнальной странице, находит вожаделенную вывеску – GUCCI, переступает порог и оказывается в другом мире, – мире роскоши, о котором она мечтала всю жизнь, но так и не попала в него.

– Наверное, не в то время родилась. Эх, где мои двадцать лет! – успела мелькнуть отчаянная мысль в голове Нинель Звонаревой. И тут она почувствовала на себе взгляды со всех сторон: оценивающие и пронизывающие насквозь, словно пущенные стрелы.

Нинель внезапно ощутила себя Золушкой, на которой с боем часов роскошное платье превратилось в старые обноски и не где-нибудь, а прямо среди бала... Сердце сжалось. Она вдруг остро почувствовала боль и стыд за старую сумку и немодные, хоть и добротные туфли. А девушки-консультанты не торопились подходить и предлагать свои услуги, надеясь, что эта случайно забредшая к ним женщина, посмотрев на ценники, ретируется и быстро уйдет, поджав хвост.

Нинель набрала для смелости в легкие побольше воздуха и сама пошла навстречу к надменным, холеным нимфам GUCCI, с плохо скрытым пренебрежением наблюдавшим за ней в пустом от покупателей бутике. Ситуацию разрешила, появившаяся из какого-то неведомого пространства магазина, женщина, по возрасту близкая к Нинель.

Она подошла и с вежливой улыбкой поинтересовалась, чем может помочь покупательнице их магазина. Ее взгляд, голос и доброжелательное отношение вызвали в Нинель доверие, она раскрыла свою сумочку и протянула вырванную из журнала страничку. Женщина взяла и спросила какой нужен размер, чем ввела в еще большее замешательство Нинель, размеры GUCCI и ее собственный российский размер не совпадали. Женщина, на бейджике которой было указано: главный консультант – Лисицина Тамара Григорьевна, успокоила:

– Не стоит волноваться, пойдемте в примерочную. —

Они направились в примерочную, где Тамара Григорьевна самолично сняла мерки с Нинель и рассчитала ее размер в европейских стандартах. Оказалось, что на складе имеется всего одна модель, которая должна подойти по параметрам, только надо немного подождать и главный консультант Тамара Григорьевна проводила покупательницу в зал, где предложила присесть. Нинель с облегчением опустилась в мягкое кресло. Рядом на столике лежали последние каталоги GUCCI, но она их в руки не взяла, даже для вида. Такого унижения, что ей довелось сегодня испытать, она долго не забудет, но душу грело: – Деньги, доллары есть! Они лежат в ее сумочке и они реальны! —

Через несколько минут вернулась Тамара Григорьевна с девушкой-консультантом рангом пониже, которая ловко управляла выкатной вешалкой, где висел наряд, тот самый, что с вырванной рекламной странички. Там же стояли туфли и сумочка, все как из глянцевого журнала. Сердце радостно забилось, мечта материализовалось, она перед ней и ее необходимо примерить. Тамара Григорьевна оставила Нинель одну в примерочной, предварительно деликатно спросив, нужна ли ее помощь и получив отрицательный ответ, задернула шторы кабинки с логотипами GUCCI.

Нинель сняла с себя платье и, оставшись в гипюровой комбинации лучших времен ГДР, достаточно еще приличной и добротной, стала облачаться в настоящий мировой бренд, шуруша шелковой подкладкой, расстегнула пуговицы с потрясающими воздушными петельками ручной работы. Изнанка изделия, и та была рукотворным шедевром! Нинель с замиранием сердца надела наряд и в зеркале не узнала саму себя. На нее смотрела дама из высшего общества. Конечно, не последнюю роль сыграла прическа лучшего стилиста салона «Престиж», только вчера сооруженная и хорошо сохранившаяся. Хоть за это не стыдно. Наряд пришелся впору, но необходимость сбросить пару килограммов была все же очевидна. Нинель прикинула: – За неделю, посидев на гречке с кефиром, она обретет нужную ей форму. Платье нужно брать! Это очевидно. Тонкий натуральный шелк приятно поглаживал тело и растекался по нему прохладными волнами. И пусть за это она отдаст все имеющиеся у нее деньги! Она столько отказывала себе в последнее время... Наступил ее час преображения, она достойна этого! – и Нинель решительно раскрыла шторы примерочной перед ожидавшей ее выхода Тамарой Григорьевной. По первому взгляду главного консультанта Нинель поняла, что ее выбор полностью совпал с оценкой специалиста, коим Лисицина, несомненно, была. Начинала она в Доме моделей на Кузнецком мосту, где одевалась советская номенклатура с семьями, богатая богема и люди со связями и деньгами, но настоящее место работы Лисициной означало значительный рост в ее личной карьере товароведки легкой промышленности. Тамара Григорьевна являлась профи со стажем и одобрила выбор Нинель, поздравив ее со стопроцентным попаданием в образ. Осталось только оплатить покупку. Трудность оказалось в невозможности принять наличными валюту у российской гражданки, но главный консультант легко перенаправила покупательницу в банк, находящийся здесь же в здании под одной крышей. Расчувствованная теплым отношением к себе, Нинель поспешила к выходу и довольно скоро вернулась с сум-

мой в рублях. Невыгодный обменный курс не смог испортить чудесного настроения Звонаревой и на выходе из бутика GUCCI под одобрительные взгляды нимф-консультанток, Нинель почувствовала за собой победу и радость от достигнутой цели. Все! Можно звонить Данилову и договариваться о встрече!

Глава 7 Парень созрел...

Матвей вернулся домой счастливым. Пожалуй, впервые в жизни. Нет сомнения, он влюблен в Лизу. Это как летний снег, говорят, что такое возможно в редчайших случаях, он и сам видел, когда ему было двенадцать лет. В Москве, в начале июня 1982 года прошла снежная буря! И подобное случилось с ним! Он весь день не отходил от Лизы, помогал чем мог: подносил-относил, покупал кофе с пирожками, натягивал тент и укрывал товар от нахлынувшей вдруг грозы. Они сидели вдвоем под куском целлофана и чтобы не промокнуть, тесно прижимались друг к другу. Новые, доселе незнакомые чувства, заполнили его и клокотали внутри с жаром юности. Ему скоро двадцать два, а у него еще не было девушки. В школе нравились время от времени кто-то из девчонок, но в дружбу, а тем более в ухаживания, отношения не переходили. В институте у парней-однотруппников, уже у многих, случались романы и сексуальный опыт, а он, как идиот краснеет, когда кто-то при нем рассказывает о своих донжуанских похождениях. Спорт и нагрузки помогают справляться с естественным для его возраста физическим желанием. Иногда в душе расслабляется, но кто не грешен... Матвею хотелось любви настоящей, а не эрзаца или соития по хмельному делу без обязательств. И ничего он с этим не мог поделать.

Некоторые девушки находят его симпатичным и даже красивым. Он высок, гибок и сложен. Волосы светло-русые, серые глаза, черты лица правильные, зубы ровные и белые. Сам он не любитель крутиться перед зеркалом, но очень аккуратен и опрятен, так приучили родители, особенно мама. Вот она была в молодости настоящей красавицей, да и отец ей под стать. О своей внешности Матвей думал мало, но даже Лиза сегодня обронила, что он симпатичный: – Было приятно. А она такая нежная, а эти ее завитки на затылке... От дождя у нее волосы закручиваются в золотистые локоны. Так и тянуло их потрогать, но он не посмел. А когда они прижавшись сидели под куском целлофана, пережидая дождь, ему так хотелось обнять ее за худенькие плечики. Ни грамма косметики на бледном тонком лице, не то, что девушки из их института, раскрашенные и разнаряженные, как куклы. Хорошо, что он на бюджетный успел поступить, квоты так резко сократили. Все годы учебы он был лучшим по успеваемости в группе на их курсе. Скоро защитит диплом... быстрее бы найти работу и забрать Лизу с этого рынка, а немного подзаработав и жениться на ней. От этих мыслей у него екнуло в паху... Созрел парень для взрослой жизни, осталось за главным, научиться добывать себе и будущей жене на жизнь. Как получит диплом, сразу работать. Мать отцу работу ищет, может и ему что-то подберет. —

А Лиза, придя с работы, пребывала в не менее счастливом расположении духа. Она летала: – Матвей, такой умный, воспитанный, красивый был весь день с ней: помогал, поднимал тяжести, приносил из палатки мороженое, которое они, смеясь ели... —

Она с трудом уговорила его не провожать ее до дома, это другой конец Москвы, Бескудниково. Он так много знает, столько книг перечитал, а она... стыдно сказать, она и 9 классов с трудом закончила. Соседка устроила в магазин неподалеку от дома, но он закрылся, так она и попала на Черкизон с другими девчонками из их магазина. Сначала в палатке продавала пирожки и чай-кофе, дела шли хорошо, но хозяин сменил ее на более сговорчивую девушку, которая в благодарность, что он взял ее на работу, быстро сблизилась с ним. По сарафанному радио нашла работу продавца здесь же на Черкизоне. Поначалу смущало, что хозяин в ее присутствии говорит с соплеменниками на непонятном для нее языке, но его это совсем не интересовало. Она для него никто и что она думает, его мало заботило. Главное – выручка, за которой хозяин являлся сам или присылал своего родственника Азиза, парня лет двадцати пяти, которому на вид и тридцать пять можно дать. От его пристального взгляда у Лизы все сжималось внутри. Она заранее пересчитывала выручку и перехватывала тугую пачку купюр резинкой,

чтобы Азиз побыстрее ушел, но он всегда старался задержаться около нее и находил для этого разные поводы: то не там товар находится, то не весь выложен на прилавок. Лиза молча и беспрекословно все исправляла, но для придирок Азиз всегда что-то выискивал. Вот и сегодня хозяин за выручкой прислал Азиза, а тот, увидев, что она не одна за прилавком, грубо прикрикнул на нее:

– Ты чего, уже парней приводишь? У нас товар! Смотри, сопрет чего, будешь рассчитывать сама! —

Она соврала:

– Это мой брат. —

Матвей даже и сообразить не успел. Азиз немного успокоился, но Лиза поняла, что ненадолго. Надо как-то вежливо сказать Матвею, чтобы он был поосторожней и не приходил к ней часто на работу.

Соседка, продавец Таня успела заметить и шепнуть:

– Смотри, не буди в Азизе зверя. Он ревнует тебя. —

Она лишь тихо ответила:

– Какое он имеет право? —

Таня усмехнулась:

– О каких правах ты говоришь, девочка! Это Черкизон! Здесь свои законы и кто не соблюдает их, будет строго наказан. Хорошо, что ты придумала про брата, но этого хватит ненадолго. – и Таня многозначительно замолчала.

Дома, разогревая ужин, Лиза постаралась отогнать от себя мысли об Азизе, уж лучше думать о Матвее. Он дал ей свой домашний номер телефона, где на бумажке его рукой написано:

– Матвей Звонарев —

Лизе так захотелось позвонить ему прямо сейчас, но она не посмела:

– Пусть первый позвонит. – решила она и сев за стол начала ужинать. Мама приготовила макароны по-флотски, она любит это незатейливое эконом-блюдо. Родителей нет еще дома, но скоро должны прийти с завода, где оба всю жизнь отработали. Сейчас там перестали выдавать зарплату, хорошо, что у нее процент от выручки и она возвращается со смены с деньгами, на которые они и живут всей семьей. Она по дороге домой всегда заходит в магазин и покупает продукты. Вот и сегодня купила хлеб, молоко, крупу, консервы. Матвей сказал, что как только получит диплом, сразу устроится на работу и заберет ее с рынка. Станный... они так мало знакомы, а он уже думает о ней... и как сказать ему, что она сейчас главный кормилец семьи, своих сорокалетних родителей, которые по многолетней привычке утром встают и идут на завод, хоть там и не платят зарплату. И вздохнув, Лиза принялась доедать макароны.

Глава 8 Все под контролем

Нинель, взяв ручку, отметила на календаре дату, когда она позвонит Данилову – 16 июня. Это дата его дня рождения, юбилей сорок пять лет! Хороший повод, чтобы объявиться через столько лет..., а вдруг он куда-нибудь пригласит? Надо себя подготовить к этому. Выглядит она сейчас весьма неплохо, а GUCCI в ее шкафу, просто требует выхода в свет и будоражит кровь ничуть не меньше самого крутого афродизиака... Нинель сладко поежилась. Конечно, с ее реализмом в мозгу и жизненным опытом за плечами она прекрасно понимала, что эта юбилейная дата у г-на Данилова расписана, как по нотам и он не будет, что-то менять и перестраивать под нее. А быть статисткой среди шумного бала ей совсем не хотелось, поэтому и решила позвонить накануне – 15 июня. Оптимальный вариант. А если Нинель что решила, то будьте уверены, она так и поступит. Хорошо, что ждать осталось недолго, всего-то два дня! —

И вот настал этот день, 15 июня. Но телефон у нее домашний, а на дворе 1992 год! Мобильных нет еще и в помине. Не звонить же в 7 утра! Нинель представила, как она позвонит с утра пораньше Данилову домой, разбудит его... и это через двадцать лет! А, что если он спит в обнимку с молодой красоткой? Тогда своим идиотским утренним звонком она загубит все дело. Надо звонить вечером, это очевидно. Можно, крайняк, днем набрать. И Нинель, закрыв глаза, погрузилась в грезы мечтаний. Она будила в себе былые воспоминания о встречах с Даниловым тогда, двадцать лет назад, на их даче в Малаховке и в квартире папы. Они были молоды и отчаянно влюблены, как казалось Нинель. Данилов был свободен, а она замужем за Звонаревым и уже родила Матвея, которому было года полтора-два. Он тогда был влюблен в нее, даже уговаривал развестись со Звонаревым, но она не хотела ничего менять в своей жизни и, конечно, не предполагала, что их роман так неожиданно прервется длительной командировкой Данилова в Африку с его скоропалительной женитьбой на Алевтине, девушке, возникшей ниоткуда и так вовремя подвернувшейся Валерию. Она не пошла на их свадьбу, прикинувшись больной. Это было бы слишком даже для нее – кричать им: «Горько!», да и Толик тоже не хотел идти. Они пришли лишь на провода, совсем ненадолго заскочили к ним на Вернадского, где в их небольшую родительскую двушку набилось прилично народу. Она помнит, как в тесном коридоре Данилов незаметно подошел к ней, слегка приобнял и успел шепнуть:

– Я буду скучать... и писать тебе, любимая. —

У нее внутри все сжалось тогда. После этого они с Толей распрощались и быстро ушли. Потом были письма на адрес папы, посылки с сувенирами... Нинель вдруг вспомнила про шелковые шарфики... французские духи давно закончились, а шарфики – подарки Валерия еще живы и бережно хранятся. Каждый раз, находя их в ящике ее шкафчика, она вспоминает то время и на сердце теплеет...

Днем она решила позвонить на квартиру Данилова наобум, наудачу, что называется от фонаря... Набирая номер, крутила диск аппарата осторожно, боясь испортить дорогой маникюр, или, упаси Бог, сломать ноготь!

И, вот удача, трубку сняли, но никто не ответил и ей пришлось первой подать голос: – Алло! – это прозвучало, как сигнал, посланный в Космос, безо всякой надежды дожидаться ответа из его глубин. Но ответ все же последовал и голос явно принадлежал ее экс-возлюбленному Данилову. Несмотря на годы, голос не изменился, только тон другой: властно-торопливый и, как показалось Нинель, немного небрежный. Она отозвалась:

– Добрый день, Валера! Это Нинель Звонарева, помнишь еще такую? – Она заранее так долго раздумывала с чего начнет и вот, застигнутая врасплох, ничего другого не смогла сказать...

Он, немного помедлив, удивленно:

– Нинель? Ну, как же, помню. —

– И все же он куда-то торопится... – почуяла сердцем Нинель. Она продолжила:

– У тебя скоро юбилей, знаю, что заранее не поздравляют, но решила позвонить и сказать, что помню. —

Данилов после небольшой паузы:

– Да, спасибо. Я не любитель юбилеев, но отвертеться не удалось. Сначала планировали в ресторане, но решили перенести торжество в мой загородный дом. Это такая случайность, что ты меня здесь застала, особенно летом. Буквально на десять минут заскочил и вдруг звонок. Если надумаешь прийти с Анатолием, запиши номер моего секретаря, вас внесут в списки приглашенных. У нас пропускная система в коттеджном поселке. Записывай. – и он продиктовал ей номер телефона.

Нинель схватила со стола какой-то журнал и торопливо, вслед за Даниловым, стала записывать на нем номер. Затем он быстро попрощался и положил трубку, а Нинель еще долго приходила в себя. Такого Данилова она не знала: по-деловому конкретного и даже сухого. Весь день она была в раздумьях: – Воспользоваться телефоном и позвонить секретарю, или не стоит. С одной стороны, у нее теперь есть его служебный номер, добыть который было для нее удачей, ведь, как ни крути, главной целью выхода на Данилова было и остается трудоустройство мужа. Надо поговорить с Толей. Надо уговорить его воспользоваться приглашением на юбилей. А там дело само пойдет. – решила Нинель, немного успокоившись, – Как хорошо, что я купила себе GUCCI, не стыдно в люди выйти! – резюмировала она.

Глава 9 Как хорошо, что у меня сын!

Когда вечером Анатолий вернулся домой, что было редким случаем его выхода из домашнего заточения, Нинель не стала спрашивать где был муж. Она знала, что у него нет денег даже на проезд в общественном транспорте, вот до чего он так низко пал: – Хорошо хоть у сына студенческий проездной, что упрощает ему передвижение по городу. А жизнь дорожает с каждым днем и если бы не сдача в аренду родительской недвижимости, как знать, может и пришлось бы опуститься до продавца или еще хуже – уборщицы. —

От этих мыслей Нинель всю передернуло и она решила поговорить с мужем сразу после ужина.

Отужинав на пару с мужем в отсутствии сына, Нинель приступила к главному: убедить свою вторую половину пойти с ней на юбилей, а все разговоры на эту тему с их бывшим одногруппником, а теперь гендиректором «Русский мороз» г-ном Даниловым она возьмет на себя. Разливая по чашкам чай, Нинель как бы невзначай обронила фразу:

– Мы приглашены к Данилову на юбилей! —

Анатолий, отхлебнув глоток, удивленно поднял брови:

– Даже так? И как тебе удалось? —

Нинель, вздохнув:

– Нам нужно там быть. Юбилей лишь повод встретиться. Да, я дозвонилась до Данилова, он передавал тебе привет (соврала) и пригласил нас в свой загородный дом на торжество. —

Анатолий нахмурился:

– Не хочу. Нет у меня желания идти туда. —

У Нинель нервно задрожали руки и на груди появились красные пятна, предвестники надвигающейся гипертонии, которая стала беспокоить ее. Она почувствовала, как у нее внутри все закипает, еще немного и она взорвется: – С нервами и так проблемы. Легче передвинуть дубовый шкаф из папиного наследства, чем этого спивающегося дундука вытащить из дома. —

Нинель уже с нескрываемым раздражением:

– Толя, я не могу одна идти. Я замужняя женщина, у меня муж есть! —

– Я не мебель и не предмет обихода! Сказал не пойду! – уперся Анатолий.

В этот самый момент открылась входная дверь и вошел Матвей.

– Вот с ним и иди! – закончил разговор Анатолий и поднявшись из-за стола, вышел из кухни. Ничего не понявший Матвей, вопросительно посмотрел на мать.

– Мой руки и садись ужинать! – с командным тоном обратилась к сыну Нинель, пряча глаза, из которых готовы были брызнуть слезы. Надо сказать, что плакала Нинель редко, больше злилась в подобных случаях, которые стали все чаще в их с мужем отношениях. Пока сын мыл руки в ванной, Нинель накапала себе валерьянки в рюмку и выпила содержимое, с трудом сдерживаясь, чтобы и сыну сгоряча не досталось. Он стал так поздно приходить, на все вопросы отмалчивается. Обманывает, что задерживается в институте, она проверяла, все его друзья готовятся к сдаче диплома, защита на носу, а Матвей приходит домой только спать. Она поделилась с соседкой по лестничной площадке Мариной, тоже имеющей сына ровесника Матвею, они вместе гуляли во дворе, когда те были маленькими, ребята выросли у них на глазах. Марина, усмехнувшись ответила:

– Радуйся, что ночевать приходит. Мой давно на свободном выгуле. Хорошо, что звонит и предупреждает, когда не приходит на ночь домой. Твой-то парень предсказуемый, домашний. – Нинель тогда согласилась с ней, а сейчас мысли о сыне стали меняться:

– Да, был и домашним, и предсказуемым до последнего времени, но вдруг, как подменили. —

На этот раз Нинель решила не пускаться в расспросы и внутри себя согласилась с мужем:

– А, что! Это выход – пойти к Данилову с сыном. Ей за него не стыдно будет, парень он воспитанный, диплом скоро получит... может и ему с работой Валера поможет... —

Эта поворотная мысль решила все: – Она идет к Данилову с сыном! Прекрасный выход, а Толик с его убитым видом, только все испортил бы. То ли дело сын-красавец! А у Данилова – дочь! —

От хода дальнейших мыслей у Нинель слегка закружилась голова и она сама себе приказала: – Не торопи события, Нинель! Но и не плошай! – с улыбкой добавила она. И, положив на тарелку сына горячую отбивную с овощами, сменила гнев на милость, наблюдая, как он с аппетитом ест, не забывая, однако, умело использовать нож в правой руке.

– Какое счастье, что у нас сын! И чтобы я делала с дочерью! Одевать ее совсем было бы не на что! А парню: – кроссовки, брюки и хорош! Хотя, на юбилей надо пойти достойно одетым, под стать матери в GUCCI! – уже совсем успокоившись, подумала Нинель, – Добавки будешь? – спросила она сына с улыбкой. Он, согласно кивнул: – Спасибо, мамочка. Очень вкусно! Впрочем, как всегда! —

Глава 10 И день настал

Пожалуй, впервые за последнее время Нинель, едва положив голову на подушку, быстро отошла ко сну. Ей удалось достигнуть своей цели – дозвониться до Данилова и теперь в ее голове все разложено по полочкам, осталось только завтра с утра записаться у секретаря в список приглашенных. Она легко дозвонилась, трубку быстро сняли и молодой девичий голос на другом конце провода, представившись Екатериной, заученно прошептал:

– Будьте добры, назовите свои фамилии, имена отчества и паспортные данные, а также номера автомобилей, на которых вы прибудете. —

Нинель метнулась к шкафчику с документами и продиктовала свои и сына паспортные данные, а про автомобильные номера, замявшись сказала, что еще не знает на какой машине они приедут. Секретарша все записала и сообщила, что торжество назначено на ближайшую субботу, т.е. 20 июня в 16—00, чествование состоится в поселке Жаворонки, что на Минском шоссе в двадцати километрах от Москвы и продиктовала адрес. У Нинель отлегло от сердца, она боялась, что им придется в спешке собираться, если юбилей состоится именно сегодня 16 июня, но вдруг вспомнила, как Валерий сказал, что этот день он проведет к кругу самых близких. Нинель вздохнула:

– А ведь в этом кругу могла быть и я... Эх, не на того ставку сделала! И почему? —

Звонарев подкупил ее своей простотой и наивной честностью. Конечно, провинциал, в Москве никого, но она решила, что в качестве мужа ей подойдет именно он, с ним удобнее и она имела власть над ним. А с Даниловым не так все просто, девушки засматривались на него всегда. Он фарцевал и у него водились деньги, которые он тратил на кафе, такси и модную одежду. Поговаривали, что и с женой своей Алевтиной Валерий познакомился в ресторане. Нинель не знала, что она там работала официанткой. Данилов тщательно это скрывал, но его женитьба и последующий скорый отъезд в Африку стер этот факт из биографии жены. Нет, ничего предосудительного в том не было, но кто мог подумать, что успешный красавец Данилов женится на простой официантке, да к тому же приезжей провинциалке! Москвички из состоятельных семей вздыхали по нему и вдруг такой выбор! Хорошенькая, но с ПТУшным свидетельством поваренка и в Москве ни кола, ни двора! Нинель с рождения жила в достатке за папой-каменной стеной и не придавала всему этому особого значения, ей казалось, что все появлялось само собой: и модные импортные обновки, косметика, французские духи, и дефицитные продукты в их холодильнике. По магазинам она не ходила, настоящей жизни не знала и знать не хотела. Это и подвело ее в какой-то степени, она выбрала тихоню Толика вместо энергичного и пробивного Данилова. И вот только сейчас осознала свою ошибку.

Папину машину она разбила несколько лет назад и ее пришлось продать на запчасти, поэтому прибудут они в поселок Жаворонки на такси. Еще одна непредвиденная часть расходов. О подарке юбилею вопрос не стоял, на этот случай у Нинель надежно припрятан настоящий французский коньяк, его не стыдно будет преподнести Данилову. Качество отменное, еще в советские времена приобретен в магазине «Березка». Нинель выскользнула на лоджию, где был спрятан в надежном месте набор французского коньяка. В голове тревожно пронеслось: – Только бы муж его не оприходовал! – Она нервно начала перебирать какие-то пакеты в поисках коньяка и, наконец, достала с самого дна ящика вожделенную коробку. Коньяк, пролежавший несколько лет, был произведен и надежно запечатан во Франции, и его качеству ничто не угрожало. – Хоть с этим проблем нет. – успокоилась Нинель, – и сыну есть в чем пойти на юбилей. – Об этом она позаботилась заранее, так как ему предстояла защита диплома и выпуск. Еще зимой ей удалось случайно купить у знакомой очень хорошую пару итальянских туфель для сына. Отличная обувь из натуральной темно коричневой кожи. Знакомая приехала из Италии с подарком, но не угадала с размером и Нинель повезло купить их по номиналу.

У сына 44—45 довольно редкий размер, да и сам парень высокий. Брюки хорошие у него есть, а пиджак наденет отцовский из натурального югославского габардина, темно синего в тонкую светлую полоску. Толик его редко и по особым случаям надевал, сейчас такие стоят бешенных денег, шерсть стопроцентная и крой классический, прекрасный. Дорогая вещь, в ней хоть на дипломатический прием, а мужу он уже маловат. Рубашку она купила новую специально на защиту диплома. Галстук шелковый добротный имеется. В общем, есть в чем парню выйти в свет, не ударив в грязь лицом.

В назначенный день и час Нинель с сыном в такси подъехали к воротам коттеджного поселка Жаворонки. На въезде сидел охранник, который спросил к кому они, затем посмотрел в список приглашенных, и найдя их фамилии, поднял шлагбаум и пропустил такси на территорию поселка. Немного проехав вперед, машина остановилась перед глухим высоким забором, на котором был номер дома, указанный секретарем. Водитель вышел и позвонил в звонок на воротах, через минуту они плавно раздвинулись, открыв перед прибывшими нарядно убранную лужайку. В глубине участка виднелся большой трехуровневый дом. Там среди сосен стояли столы, покрытые скатертями и сервированные для приема гостей. Нинель увидела, как к ним навстречу спешит распорядитель торжества, женщина лет тридцати с блокнотом в руках. Она спросила их фамилии и удостоверившись, что они в списках, выдала карточки с указанием их мест за столом. Затем пригласила пройти по дорожке к дому, где уже были гости, обслуживаемые официантами с подносами. Нинель цепким взглядом выхватила среди нарядной публики виновника торжества Данилова, самолично встречавшего гостей. Молоденькая девушка, помощница распорядителя праздника, подвела Нинель с сыном к юбиляру. Данилов широко улыбнулся и на поздравления Нинель, слегка приобнял ее, а Матвею пожал руку. Он поинтересовался где Анатолий и услышав в ответ, что ему немного не здоровится, сказал:

– Жаль. Давно не виделись, но сын как вырос за эти годы! Прошу чувствовать себя свободно в моих пенатах. —

В это время к нему подошли вновь прибывшие гости, вереница которых текла потоком и все внимание Данилова переключилось на них.

Нинель окинула взглядом окружающих. Ни одного знакомого лица. Судя по всему, со старыми институтскими друзьями у хозяина дома давно потеряна связь. Из глубины усадебного участка доносились звуки небольшого оркестра, погода была прекрасной, на небе ни облачка. Вокруг пышно цвели кусты и затейливо сооруженные садовником клумбы с ароматными цветами. Все настраивало на праздник и приятное времяпровождение.

– Расслабься, Нинель и получай удовольствие, – сама себе дала установку Звонарева, – время еще есть и я не упущу своего! —

А Матвей чувствовал себя неловко среди незнакомых ему людей. Он уступил матери и пошел на этот чужой бал, хотя в эту субботу у них с Лизой был запланирован поход в кино, но мама тогда чуть не разрыдалась и надо было ее поддержать. Матвей окинул вокруг себя взглядом:

– Так вот как живут новые русские. Это птицы высокого полета. Далеко до них торговцам с Черкизона. —

Распорядитель через микрофон предложила гостям занять свои места за столиками. Матвей повел мать к столу. Нинель не без гордости отметила про себя, что сын унаследовал от нее красоту и хорошие манеры. Не прошли даром оплаченные уроки с репетиторами и поездки в Прибалтику, в Тарту, где летом студенты жили в университетском городке и слушали лекции самого Юрия Лотмана, преподававшего там. Матвей рассказывал, что они жили в прекрасных условиях, а за обедом на накрахмаленных скатертях их обслуживали официанты в белых перчатках. Эта поездка стоила Нинель почти всех денег, полученных за аренду дачи в Малаховке, но нужно прививать мальчику хорошие манеры в обществе, а не только дома с мамой на кухне. Нинель вспомнила, как мама-филолог учила ее этикету и как она искренне огорчалась, что

Нинель забросила серьезно заниматься английским, и это при матери, свободно на нем говорившей! —

После зачитания поздравительных телеграмм из разных концов света от деловых партнеров, родственников и друзей, слово дали юбиляру Валерию Николаевичу Данилову. Он поблагодарил всех присутствующих за то, что они приняли приглашение разделить с ним праздник. Затем предложил наполнить всем бокалы и произнес: – За удачу и успех! —

Раздались одобрительные возгласы и аплодисменты. Застреляло пробками шампанское, небольшой оркестр на площадке перед микрофоном заиграл приветственный туш. За столом, рассчитанным на четверых, Нинель с сыном были одни, их соседи, по всей вероятности, не пришли, но Нинель была этому только рада, никто и ничто не мешал ей наблюдать со своего места за Даниловым, и по ходу событий держать его на прицеле, чтобы, улучив удобный момент, подойти и поговорить с ним о деле.

Данилов сидел за столом один, рядом не было никого из родственников, не говоря о жене и дочери. Перед ним крутились молоденькие красотки в платьицах с пышными коротенькими юбочками – приглашенные из модельного агентства девушки, что стало входить в моду в богатых кругах. Своего рода цветник праздника для скучающих и одиноких гостей. Нинель неприятно удивило, что женщин ее возраста совсем мало, почти все взрослые и даже немолодые мужчины были со спутницами, годящимися им в дочери. Нинель не была наивна и знала, что еще в советские времена у каждого более или менее крупного начальника была любовница, чаще секретарша, но жены тогда были охраняемой кастой. Партийная мораль и возможность написать в вышестоящие органы на мужа, поправшего устои ячейки общества – семьи, приковывала мужей-карьеристов к своим женам покрепче кандалов. Но кто не грешил втихую? И на самом верху было тоже самое, главное, без громких скандалов и разводов. Но наступили другие времена, «оковы» пали и рассыпались, а вместе с ними и семьи со старыми женами. Настало время реванша, быстрое обогащение привлекало стаи охотниц за состоятельными мужчинами. Как грибы из раскидистых грибниц произрастали конкурсы красоты, модельные агентства, где почти у каждой смазливой молоденькой девушки был шанс встретить своего покровителя, спонсора, а возможно, и мужа. Молодость и красота стали прибыльным товаром. Нинель была реалисткой и понимала, что ей в ее возрасте уже ничего не светит. Она отмахнулась от идеи соблазнить Данилова, да и не за этим она здесь!

Постепенно гости, разгоряченные празднованием с обильным угощением на столах и неиссякаемыми напитками из винного погреба хозяина, стали все более расслабленными, переключили свое внимание на дам, танцы и втянулись во всеобщее веселье. Нинель кроме бокала шампанского ничего не пила и была абсолютно трезвой, она поняла, что настало время действовать. Матвей отошел и Звонарева направилась напрямиком к Данилову, по-прежнему сидящему на почетном месте именинника.

– Лови момент, Нинель! А то сейчас уведут из-под носа! – подстегнула себя Звонарева. С улыбкой на лице и изображая из себя даму приятную во всех отношениях, Нинель приблизилась к Данилову со словами:

– Можно посидеть рядом с вашим тронем, Король? —

Нинель умела обволакивать словами и Данилов, оценив, улыбнулся в ответ:

– Конечно, буду счастлив! Я и сам хотел подойти к тебе, Нинель, сказать, что прекрасно выглядишь... —

– Ну, не прошло и двадцати лет! – продолжила «обволакивать» Нинель.

Она вдруг поняла, что им совсем не о чем говорить, за эти годы они превратились в других людей, особенно Данилов. Она уже заметила, что он, скользя по ней взглядом с дежурной улыбкой, устремил свой взор куда-то вдаль.

– Может ждет кого? – Нинель решила не тянуть и перейти прямо к делу:

– Ты извини, что на твоём юбилее и с просьбой... —

Данилов, наконец, перевел на нее взгляд:

– С просьбой? Какой? —

– Помоги устроить на работу Анатолия. —

Данилов немного задумался:

– Понимаешь, у меня штат укомплектован. Может со временем... —

У Нинель сердце упало:

– Очень прошу тебя! Толик без работы пропадает! – в ее голосе были слышны нотки отчаяния.

Данилов смягчился:

– Хорошо, даю слово, Нинель. Как только, так сразу! —

В этот момент все внимание г-на Данилова устремилось в сторону идущей к нему девушки лет около двадцати. Она шла прямо к нему уверенной походкой. Данилов успел бросить Нинель: – Извини. – и выйдя из-за стола, направился навстречу к этой молодой особе, подойдя к которой, поцеловал ее в щеку. Нинель сидела, как прикованная к месту, не в силах подняться, но Данилов вернулся к ней и представил девушку:

– Познакомься, это моя дочь Евгения, а это – Нинель Валентиновна Звонарева, моя институтская подруга. —

– Я уже сегодня слышала эту фамилию. Это не ваш сын Матвей, кажется. – Евгения слегка кивнула в сторону и Нинель заметила Матвея, стоящего в сторонке.

– Надо же, они уже успели познакомиться! – оживленно заметил хозяин дома.

– Да, чисто случайно. – буднично отреагировала дочь.

– В этой жизни многое неслучайное происходит случайно. – многозначительно ответил отец и улыбнувшись Нинель, бросил фразу:

– Я подумаю и позвоню. —

Разговор был окончен. Нинель отошла от отца с дочерью и направилась к одиноко стоящему в сторонке Матвею.

– Узнала, что ты уже успел познакомиться с дочерью хозяина поместья. Не думала, что ты такой приткий. —

– А я и не знал, что она дочь этого помещика. Она просто закурить у меня попросила. Вот и все знакомство. – хмуро ответил Матвей.

После всего этого у Нинель осталось только два варианта на продолжение вечера: уехать домой или хорошенько выпить и повеселиться. Она выбрала второй. – И все же хорошо, что сын со мной, Толя и сам принять на грудь не дурак. А с Матвеем и я могу позволить себе немного расслабиться. —

Глава 11 Рыдания в подушку

Матвей, как хороший сын, выполнил, поставленную перед ним задачу. Когда стемнело, он вызвал такси и повез мать домой. Она сначала немного посопротивлялась, дескать праздник еще в разгаре, но поблуждав нетрезвым взглядом среди незнакомых лиц и не найдя среди них Данилова, послушно села в такси. Дома сын помог матери дойти до кровати и снять с нее туфли. Нинель сладостно упала на мягкое покрывало и сразу заснула на бархатных подушках.

Она проснулась под утро, над головой горел мягкий свет ночника. Нинель сняла с себя шелковое платье GUCCI, отбросила его на стоящее рядом кресло, погасила ночник и опять вернулась в сон. В нем она продолжала веселиться, окруженная поклонниками, наперебой приглашавших ее танцевать. Она настолько явственно ощущала это, что на нее накатила чувственная волна, заставившая содрогнуться и застонать от накрывшего ее яркого оргазма, который затянул в свою сладостную воронку все ее естество. Нинель даже проснулась и первой мыслью было: – Как жаль, что это был сон. И все же я еще молодая женщина, способная чувствовать себя живой. Вчера мне ясно дали понять это. Сон смешался с явью. Нинель протянула руку за сумочкой, накануне брошенной на ковер у подножья кровати. Щелкнув замысловатым замком, она открыла это замшевое творение GUCCI и пошарив рукой по шелковой подкладке, достала несколько визиток, скользнула по ним взглядом, пытаясь вспомнить кто ей их давал.

– Вчера я хорошо повеселилась в окружении кавалеров, а сколько комплиментов наслухалась! Такой бальзам на мою иссохшую душу! А кому надо сам позвонит. – резонно заметила Нинель. Она отоспалась, протрезвела и спустилась с небес на землю. Реальность снова вернулась к ней.

Нинель встала, накинула халат и направилась в ванную, успев бросить взгляд на большие настенные часы в прихожей, которые показывали 12:15 дня. Дома тихо, воскресенье, все спят. Она приняла контрастный душ и окончательно пришла в себя. Нинель любила утренний кофе в одиночестве. Когда-то в юности курила, но больше для понта в компаниях, поэтому и не вошло в привычку. Да и сигареты тогда у нее были: Кэмел, Филипп Моррис, Кент, которые папа доставал для нужных людей, а она украдкой брала для себя. Настоящие, а не суррогат. О, с каким бы наслаждением она сейчас закурила...

Пройдя на кухню, Нинель приятно удивилась огромному букету цветов в фирменной упаковке. Среди ирисов и роз она нашла черную глянцевую визитку, на которой затейливым золотым шрифтом было выведено: «Добрянский Аркадий Моисеевич – адвокат». Это вернуло ее во вчерашний день, она вспомнила импозантного мужчину на вид лет пятидесяти с небольшим. Нинель опустила лицо в букет и его нежный аромат окончательно наполнил радостью ее утреннее настроение: – Вот почаше бы такое... А когда мне Толя дарил цветы? Дежурный букетик тюльпанов на 8 марта. А когда мы с ним целовались? Уж и не припомнить. Все покрыла рутина и безысходность, как ржавчина, разъедающая нашу семью! А в это время люди живут красиво, наслаждаясь жизнью! —

Нинель сняла с плиты тюрку с кофе, дала ему немного отстояться, затем налила в свою любимую чашечку из тонкого костяного фарфора, вдыхая аромат напитка. Она приготовилась вкушать кофе в компании роскошного букета, как в кухню вошел муж. Опухший после сна и небритый. Нинель почувствовала к нему отвращение:

– И почему я с ним гроблю последние лучшие годы своей жизни? Для чего? Сын вырос, нас давно ничего не связывает. Любовь прошла, секс редко и больше не радует. – Нинель все же нашла в себе силы улыбнуться на приветствие мужа:

– Кофе будешь? —

– Сначала в душ. – ответил Анатолий.

Он вышел из ванной уже побрившийся, причесанный и пахнущий свежестью одеколона. Она налила кофе в чашечку и протянула мужу. Он молча взял и стал пить маленькими глотками.

– Даже не интересуется, как вчера прошел день. А ведь знает, что из-за него я пошла к Данилову. Может блины поставить или геркулес сварить? – спросила Нинель. Муж рассеяно кивнул:

– Мне все равно. Что хочешь. —

– Матвей оладьи на кефире любит, пожалуй, их сделаю. Что-то он долго не встает. —

– Его дома нет. Рано утром ушел. – отозвался Анатолий.

– Куда? —

– Не знаю, ничего не сказал. —

– Что за семья... каждый сам по себе, только мне одной все надо! – с горечью подумала

Нинель.

– Знаешь, что... сделай себе бутерброды, а я пойду почитаю. —

И Нинель отправилась в спальню. Улегшись на кровать, взяла с прикроватной тумбочки новомодный роман, по совету подруги рекомендованный к обязательному прочтению. Но это тягостное и довольно депрессивное чтение отталкивало от себя с первых же страниц. Нинель решила дочитать только из-за популярного, раскрученного автора, лауреата всяческих литературных премий. Прочитав несколько страниц, Нинель закрыла книгу, с твердым убеждением, что это редкостное говно, упакованное в красивую обложку и с хвалебными одами от известных литературных корифеев, мнению которых она доверяла.

– И этих купили! Все решают деньги и связи в наше время! Но все же попробую дочитать, хоть и зря потратилась на это «шедевр». —

Она отложила книгу на столик и вернулась к визиткам из сумочки. Их было штук пятнадцать. Надев очки, Нинель стала внимательно разглядывать визитки и ее аналитический ум сразу установил связь между ними; все они каким-то образом связаны с обслуживанием бизнеса. Это были телефоны и адреса адвокатских контор, аудиторских компаний, рекламных агентств: – Видимо, меня приняли за бизнес-леди. Они ошиблись, ни я им, ни они мне совершенно не нужны и бесполезны. – догадалась Нинель и без сожаления бросила визитки в вазочку, служившую и контейнером для мелкого мусора, в который Толик иногда бросал упаковки от презервативов во время их нечастых встреч в спальне. Когда муж трезвый она, случается, допускает его к себе, но чаще он спит в гостиной, так как последнее время почти не просыхает.

– Моя жизнь абсолютно не удалась. Мне сорок пять и все закончено. Муж спивается, сын ускользает и я теряю контроль над ним. – Нинель откинулась на подушки и ей вдруг ужасно захотелось выпить. На лоджии была еще одна непочатая бутылка коньяка из папиных запасов. Нинель тихонько встала и крадучись вышла на лоджию, достала припрятанный коньяк и открутив винтовую пробку, отпила прямо из бутылки. Затем, засунув ее подальше, вернулась в спальню и бросившись на кровать, разрыдалась в подушку.

Глава 12 Первые трудовые деньги

Матвей твердо решил научиться зарабатывать самостоятельно, а не ждать, когда мама начнет и ему искать работу. И он нашел, и не где-нибудь, а на Черкизоне. В один из дней, когда он помогал Лизе на рынке, к нему подошел какой-то мужик и спросил:

– Заработать хочешь? —

Матвей спросил:

– Хочу. А что делать надо? —

– Да так, ничего сложного. Погрузо-разгрузочные работы. Про Москву- Товарную слышал? —

– Да, проездом... —

– Хочешь заработать, приходи в воскресенье к 7 утра на Курскую. Тут указано. – и мужик протянул Матвею в руки скомканный листок бумаги на котором было написано где и во сколько он должен быть на Курской-кольцевой.

– Только не опаздывай. Ждать не будут. – напоследок сказал мужик и смешался с толпой.

Подошла Лиза, вопросительно посмотрела на него, но он отмахнулся и не стал ей ничего говорить.

И вот в воскресенье Матвей и еще несколько ребят стояли на Курской-кольцевой, ожидая бригадира Максима, он пришел минут через пять. Невысокого роста, крепкого сложения, он уверенным голосом произнес:

– Норма на каждого 5000 килограммов. За это каждый получит по 5000 рублей сразу после смены. Смена 12 часов, но лучше закончить пораньше.

Отработав смену, Матвей возвращался домой чуть живой. Сказать, что он устал, – это ни о чем. По нему словно танк проехал. Все тело ныло, но он знал, что завтра будет еще хуже и молочная кислота возьмет свое в его молодом организме.

Едва переступив домашний порог, он, не смотря на зверскую усталость и голод, отправился в ванную. Включив на всю воду, плюхнулся в нее и в изнеможении лежал минут десять без движения, но душу грело, что в кармане джинсов лежит пачка денег, которые он честно заработал. Они с напарником Серегой скооперировались и поочередно менялись; то он клал ему на спину груз, то Серега, но дело пошло быстрее, а под конец разгрузки вагона еще и тележки с подъемниками подвезли, и они закончили работу раньше намеченного.

Рубашка на Матвее просолилась от пота, ему было стыдно в таком виде ехать в общественном транспорте, казалось, что все смотрят на него.

– Вот они, какие мои первые трудовые деньги! Пропитанные потом в прямом смысле. —

Лежа по самый подбородок в пенной ванне, Матвей стал засыпать и уйдя на дно, чуть не захлебнулся. Вынырнув, закашлялся. В дверь постучал встревоженный отец:

– Сын, что с тобой? Тебе не плохо случаем. Открой! —

Матвей открыл дверь ванной. Посмотрев на него, отец сказал:

– А ну, дыхни! Что случилось? —

– Да вот, если бы не ты, то утонул бы... – то ли шутя, то ли серьезно ответил сын, – да не пьяный я, просто уработался с непривычки. —

– Дай я тебя помою, как в детстве. Помнишь, как я мыл тебя? —

– Помню, папа. А я кораблики пускал. —

– Давай потру спину, сынок. Ну, а с остальным сам справишься! – и Анатолий натер мылом мочалку. —

Закутанный в махровый халат, Матвей, уже пришедший в себя, вышел к родителям на кухню и положил перед матерью пачку денег. У Нинель на глаза навернулись слезы. Деньги были нужны, но она не решилась взять их у сына.

– Спасибо, сынок! Возьми себе. Пригодятся на празднование окончания института, может в кафе пойдете с друзьями отметить. – резонно заметила она. Матвей взял половину, остальную оставил матери.

– Возьми, мама на хозяйство. Я еще заработаю. – сказал он, принявшись за еду. Он ел с жадностью рабочего человека, а родители смотрели и думали:

– Вырос сынок! —

После позднего ужина Матвей ушел в свою комнату. Началась программа «Время», которую всегда смотрят родители. Эта ежевечерняя передача объединяла не одно поколение советских, а теперь российских людей.

Матвей вытянулся на диване, тело болело, но на душе было хорошо: – Теперь у него есть деньги и он сможет пригласить на вечеринку в кафе Лизу. Ведь диплом необходимо обмыть, это традиция и почти все ребята идут. Многие со своими девушками. Теперь и он пригласит Лизоньку, свою любимую. Они уже целуются... О большем Матвей старается не думать, иначе занесет в крутые виражи, он же не каменный. А Лиза робкая такая, тихая, даже испуганная иногда. Она так много работает... Родители на заводе задарма по привычке пашут. Они сами из Думиничей, это где-то под Калугой. В Москву прописались по лимиту, получили небольшую двушку от завода. Отец сильно не пьет, живут скромно и тихо. —

Он еще не бывал у них и не знакомился с родителями. Все это узнал от самой Лизы. И про своих рассказал в двух словах, но Лиза почему-то сделала выводы, что их семьи из разных социальных кругов и она не пара ему. Поэтому на приглашение в гости, чтобы познакомиться с родителями, только опускает глаза и отмалчивается. Матвей с нежностью думал о Лизе: – Она даже и не звонит мне домой. Боится. Странная девушка, не в наше время родилась. В их группе девчонки боевые. Вот приглашу на получение диплома и представлю всем. Пора ее вывести в свет! – и Матвей незаметно для себя уснул.

Утром проснулся, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни другими частями тела. Подошла мама с бальзамом и натерла его всего до кончиков пальцев рук и ног.

Нинель ужасно захотелось поцеловать подросткового сына, погладить по волосам, но она воздержалась, парень уже не ребенок. О, эти ручки-ножки, которые она обцеловывала в его младенчестве... Тогда все маленькое было, розовое, нежное. А теперь перед ней мужик ростом под 190 и с размером ноги 45! Нет, не ее это теперь территория. Правильно сказала как-то коллега, тоже мать сыновей:

– Наш удел, будущих свекровей, вырастить сыновей и отдать их чужим женщинам! – Тогда Нинель не совсем поняла, оброненную той фразу, а вот сейчас, глядя на взрослого сына, вспомнила: – Да, права была коллега, мать сыновей! —

Глава 13 Путевка в жизнь

И вот успешная защита диплома уже позади, завтра состоится их торжественное вручение в Актовом зале института и будущий экономист-международник одного из престижных ВУЗов Москвы Матвей Анатольевич Звонарев из студентов перейдет в разряд соискателей трудоустройства. Не все благополучно дошли до финиша, был большой отсев с бюджетного отделения, кто не удержался, перешли на коммерческое или вовсе покинули стены института. Матвей удержался. Учился он хорошо и снискал славу первого по успеваемости на их курсе.

Родители, гордые за сына, решили пойти на торжественное вручение дипломов. Для этого случая Нинель явилась в институт при параде, все в том же GUCCI и с укладкой салона «Престиж». Анатолий тоже постригся там и выглядел достойно рядом с женой, хоть и не был столь шикарен. Нинель оттаяла и накануне открыла мужу, не пившему несколько дней, дверь спальни.

– Наверное запасы иссякли. – подумала она и смягчилась, вспомнив, как сын всегда любил отца и, что ни говори, их семья, хоть и переживающая кризис на данном этапе, не самая худшая из известных ей брачных пар. – Только бы Толик на работу устроился и все наладится, – успокаивала себя Нинель. – Во всяком случае за всю жизнь я не услышала от него ни одного грубого слова, он всегда делал то, что я ему велела, да и налево не ходил. В этом Нинель была абсолютно уверена. Анатолий любил ее, был нежен и не обладал взрывным и неумным темпераментом. Она была, пожалуй, погорячее, да и грешок с Даниловым за ней числится, но это было так давно, что можно считать, что и не было ничего. А больше она ни-ни, хоть могла, и не раз. Она женщина яркая, фигуристая, всегда производила впечатление на окружающих, но партийная принадлежность и воспитание родителей сдерживали. Ведь сама Нинель в райкоме заведовала сектором материнства и детства, как неразрывной части семьи советских людей.

– Мы вырастили прекрасного сына и в этом тоже есть заслуга мужа, он много занимался с ним, гулял, отвозил к родителям в Новгород, откуда сам был родом. А за родителей ему, вообще, отдельное спасибо. Они всегда безотказно брали внука отдыхать под Новгород, где у папы, бывшего номенклатурного работника, была уютная дача. Мать Нинель умерла рано, поэтому родители мужа, вышедшие на пенсию, были очень кстати. Люди они были добросердечные и воспитали единственного внука в любви и ласке. Когда Матвей подрос, они с мужем стали брать его с собой в отпуска на море, но у них всегда была возможность отправить сына к дедушке и бабушке, которых он очень любил.

Умиrotворенная этими мыслями, Нинель сидела рядом с мужем в рядах приглашенных родителей, устремив все внимание на сцену, куда по алфавиту приглашали выпускников для торжественного вручения дипломов.

И вот объявили: – Звонарев Матвей Анатольевич. —

Нинель не без гордости про себя отметила, что их сын самый высокий и красивый среди всех. – И чем ты его кормишь? – часто спрашивали мамы мальчиков, завидя возвышающегося надо всеми Матвея.

– Да ничем особенным. Он в папу, да и я немаленькая. – отвечала довольная Нинель.

Матвей, получив диплом, спустился со сцены к ребятам их курса. Нинель заприметила худенькую бледную блондинку, которую сын, сев рядом, взял за руку. – Что-то мне ее лицо не знакомо. – отметила про себя Нинель. В их группе она знала всех. За пять лет обучения сына не раз приходила на торжества в институт, когда приглашали родителей, многих знала лично, да и совместных снимков одноклассников она пересмотрела немало. На их курсе мальчиков было значительно больше, чем девочек. И почему у Матвея синий диплом? Он же уверенно шел на красный! – У Нинель испортилось настроение и красные пятна проступили на ее груди

и шее, благо, что воротник платья скрывал этот прилив волнения, но она явственно почувствовала, что у нее поднялось артериальное давление. Муж заметил, как она учащенно задышала и спросил: – Что с тобой? Не волнуйся так, дорогая. – и слегка сжал ее руку.

Когда тожественная часть закончилась, Звонаревы подошли к сыну, рядом с ним стояла та худенькая незнакомая девушка. Сразу было видно, что она не студентка их курса. Она моложе. На взгляд ей не больше семнадцати лет. Дешевая сумочка и туфли выдавали в ней девушку из бедной семьи. – Платье с рынка. – мысленно припечатала Нинель. – Дешевизна во всем. И эта девчонка рядом с моим сыном! А он смотрит на нее, будто она принцесса из сказки! —

Подойдя к сыну, Нинель начала с главного:

– Поздравляю, сынок! – она поцеловала его, – представь нам свою спутницу. —

Ей хватило одного взгляда, чтобы оценить все: и руки с лаком поверх неухоженных ногтей, и робкое, застенчивое поведение девушки рядом с сыном. Нинель заметила, как она покраснела и опустила глаза.

– Мама и папа, это моя подруга Лиза Смирнова. —

– А где ты учишься, Лиза? – спросила Нинель. Матвей ответил за нее:

– Лиза работает, мама. —

– Где же? – допытывалась мать.

– На вещевом рынке у метро Черкизовская. – ответила девушка, опустив глаза.

– Я так и думала. Вещи на ней просто кричат об этом. – отметила про себя Нинель.

В разговор вмешался отец:

– Поздравляю, сын! Рад и счастлив за тебя! Мы поедem домой, а вы отмечайте. Сегодня ваш день. – подвел черту разговора Анатолий и решительно взяв руку жены, направился с ней к выходу из зала, куда устремились родители выпускников.

Когда они приехали домой, Нинель молча заперлась в спальне. Ее настроение было вконец испорчено. Анатолий не стал ее беспокоить и удалился в гостиную, где включив телевизор, стал смотреть какой-то фильм.

Глава 14 Ранним утром

Нинель всю ночь не сомкнула глаз. Матвей вернулся лишь под утро. Второй раз в жизни, первым был выпускной в школе. Почти святой парень, как говорили о нем подружки Нинель. Доля правды в их словах была, с сыном не было хлопот ни в детстве, ни в подростковом возрасте, да и до последнего времени тоже. И вот... Нинель раньше не особо переживала, что у парня почти до двадцати двух лет не было девушки, знала, много сил отнимает учеба и спорт. Звонаревых периодически приглашали в гости друзья, у которых росли дочери, в надежде, что молодые отпрыски присмотрятся друг к другу, подружатся и со временем эти отношения перерастут во что-то большее. У Нинель было в арсенале несколько таких семей, с которыми она бы с удовольствием породнилась. Матвей вовсе не был дикарем, он мило общался, даже несколько раз ходил с девушками из знакомых семей в кино, приглашал на прогулки, но звонить и назначать самому встречи не торопился, и постепенно отношения сходили на «нет». Лишь одна из них, дочка бывшего начальника Нинель еще по райкому, пыталась атаковать Матвея и сама взяла инициативу в свои руки, но он каждый раз увертывался, а порой просто не подходил к телефону. На осторожные расспросы матери в раздражении бросил: – Ну, не нравится она мне! Названивает, к институту подъезжала. Что я ей муж, жених? —

Нинель до сих пор испытывает чувство неловкости перед бывшим начальником. Возможно, дочка пожаловалась родителям на Матвея и они перестали звонить, даже на сорокапятилетие не удосужились поздравить. С тех пор Нинель стала осторожничать с инициативой познакомиться сына, боясь попасть в подобную неприятную ситуацию. И вот, кажется, сам нашел. Нинель аж передернуло, когда она вспомнила, какими влюбленными глазами сын смотрел на это ничтожество с рынка. И что он нашел в этой бледной моли! Ее сын – умница, красавец, в которого она столько вложила! Нинель, услышав, как Матвей ключом открывает входную дверь, вышла из спальни. Сын, увидев мать, торопливо бросил с порога:

– Доброе утро, мама. Ты чего не спишь? – и не дождавшись ответа пошел в свою комнату. Из гостиной доносился храп мужа.

– Вот, кому все ни по чем! Спит сном младенца! – с негодованием подумала Нинель, – Пойду накапаю себе валерьянки. Впрочем, это не поможет. – и Нинель вернулась к себе в спальню, вышла на лоджию и достав со дна ящика распечатанный коньяк, сделала несколько глотков, затем спрятала бутылку и легла на кровать в надежде заснуть, но в голове буравило:

– А если они уже спят и она забеременеет? Что делать тогда? – от подобных мыслей сон унесло безвозвратно. Нинель опять встала, направилась на кухню, достала из буфета рюмку и спрятав ее в кармане халата, вернулась на лоджию, где налила себе еще граммов пятьдесят коньяку, опрокинула его в себя и улегшись на кровать, закрыла глаза. Быстро пришло опьянение, а с ним и сон.

Проснувшись уже ближе к обеду, Нинель посмотрела на себя в зеркало и отражение в нем ужаснуло ее. Даже укладка салона «Престиж» мало что меняло в лучшую сторону. Потрогав свои припухшие веки, Нинель с внутренним содроганием признала, что с выпивкой на ночь пора завязывать.

– Это все стресс и нервы, – нашла себе оправдание Нинель – сейчас приму душ, выпью кофе и все придет в норму. – успокоила она себя.

Матвей проспал почти до вечера. Родители уже успели слегка отужинать, а ужинала Нинель не позднее 18—30, как на пороге кухни возникла фигура сына.

– Мам, что у нас поесть? – сказал он перед тем, как войти в ванную.

– Что-нибудь найду. – ответила мать без тени улыбки, она была все еще под впечатлением от вчерашней спутницы сына.

Когда Матвей вышел из ванной, Нинель поставила перед ним тарелку с ужином, салат в салатнице, компот и, не проронив ни слова, удалилась к себе. Через стену до Нинель доносилось, как в соседней комнате Анатолий смотрит футбол по телевизору. Матвей, поставив еду на поднос, пошел в гостиную, чтобы присоединиться к просмотру трансляции из Англии, а заодно и поужинать перед экраном. Нинель не любила эти «выездные сессии» в гостиной с едой на подносе из-за крошек, но на этот раз сдержалась от напоминания, чтобы поаккуратнее ел. Она знала, что сын унаследовал от нее чистоплотность, а пылесосили в доме всегда мужчины, это было непреложное правило, установленное ею много лет назад. Ей было приятно, что муж и сын берегли ее. Вот и на этот раз, сразу после трансляции матча в гостиной зашумел пылесос. На сердце Нинель потеплело: – Мальчик мой, без напоминания уже все делает. И кому такое счастье достанется... —

Глава 15 Богатые тоже плачут

А у Данилова Валерия Николаевича – гендиректора «Русский мороз», недавно отпраздновавшего сорокапятилетний юбилей, настроение было не самое лучшее. Жена Алевтина, с которой они прожили больше двадцати лет, подала на развод. Основанием для этого, как она указала в заявлении, послужила многократная неверность мужа. Конечно, он не святой и измены имели место быть, но семью оставлять г-н Данилов не собирался. Да, деньги и то, что можно за них иметь, существенно повлияли на стиль жизни «нового русского», к коим можно смело причислить г-на Данилова, руководителя крупной фирмы «Русский мороз» и еще нескольких более мелких, но весьма успешно развивающихся в бизнесе. Конечно, он нанял самых востребованных и дорогих адвокатов, потому что Алевтина в браке с ним ни дня нигде не работавшая, претендует на половину его весьма внушительного состояния. Нанятый им адвокат, Добрянский Аркадий Моисеевич не теряет надежды вразумить взорвавшуюся в праведном гневе женщину, что в случае раздела принадлежащего Данилову контрольного пакета акций, есть риск загубить все предприятие из-за возможных манипуляций недобросовестных акционеров, которых на настоящее время трое, включая самого г-на Данилова. Поэтому лучше всего составить брачный контракт, в котором по пунктам будет все указано: что получит жена в случае развода в денежном эквиваленте, а что в «мирное время», если удастся сохранить брак.

Добрянский упорно вдалбливает Алевтине, что ей отойдет недвижимость, значимая сумма денег на счете и ежемесячное содержание, а влезать в дела компании, ничего не смысля в этом, значит заработать себе головную боль с большой вероятностью потерпеть финансовый крах и остаться у разбитого корыта.

– Алевтина проявила себя не с лучшей стороны, да еще и на Евгению влияет, а она у него единственная дочь, в которую он вкладывал и продолжает вкладывать немалые средства. Ей скоро 19 лет, но без поддержки он ее не оставит. Она все же пришла к нему на юбилей, хоть и наперекор матери, которая упорно держит оборону и не желает ничего понимать. Черт меня дернул жениться на ней! Столько девушек было, а женился чуть ли не на первой попавшей провинциалке. Больше по глупости и с целью досадить Звонареву, ведь у него были романтические отношения одно время с Алей, но он вдруг резко вернулся к своей старой пассии Нинель и женился на ней. Ходили слухи о ее якобы беременности, но время шло, а преждевременный живот так и не появился. Их сын Матвей родился по срокам уже после положенных девяти месяцев по заключению брака. —

Алевтина случайно (впрочем, так ли уж случайно?) повстречалась с ним в кафе, где работала официанткой. Хорошенькая, тоненькая и весьма миловидная, она, не долго раздумывая, перешла жить к Данилову в доставшуюся ему после смерти бабушки однушку, в которую тот успел его прописать. А когда поступило предложение поехать на три года в Африку, они расписались и пробыли там целых шесть лет. Там же и дочь Евгения родилась. Вот таким путем Алевтина и стала его женой.

Данилов взял ключи и вышел из квартиры, в которой жил один, а в последнее время редко бывал. Сев в автомобиль, он поехал в новый ресторан «Santa Fe», за рулем был его личный шофер, что позволяло расслабиться этим вечером.

Глава 16 Как «открыть» сыну глаза

На следующий день, едва за Матвеем закрылась входная дверь и Нинель осталась в квартире наедине с мужем, она вошла в гостиную, где он лежал на диване с книгой. Высокая, пышная грудь Нинель вздымалась под шелковым халатом:

– Я поражаюсь твоему спокойствию. Сын отбился от дома, я ночами не сплю, а тебе хоть бы что. —

Анатолий поднял на жену глаза:

– Что случилось? —

– Как что! Приходит – молчит, уходит – молчит. Ты видел с кем он связался? А вчера пришел домой только утром! – Нинель закипала, в распахнутом вороте халата виднелись красные пятна, проступившие на ее груди.

– Не вижу основания волноваться. Ты же знаешь, они обмывали диплом, как и мы в свое время. Вспомни себя молодой, Нинель! – Анатолий, отложив книгу, поднялся с дивана и приблизившись к жене, попытался обнять, но она с раздражением сняла с себя его руки, скользившие по ее груди в вырезе халата.

– По-моему, у нее начался климакс, – про себя отметил Анатолий – все признаки на лицо. —

Но Нинель было уже не остановить:

– Ты бы хоть поговорил с сыном! А вдруг они уже спят! —

Анатолий, слегка пожав плечами:

– Ну, в его возрасте это вполне естественно. Мы-то с тобой и то не дотянули до диплома. Вспомни себя, Нинель! —

– Что ты сравниваешь, тогда были другие времена. Мы знали друг друга не один год и когда это произошло, между нами было все решено. Ты видел эту девчонку с Черкизона? Разве о такой партии мы мечтали для нашего единственного сына! А если она забеременеет и повесит на него ребенка? —

– Что значит повесит? В конце концов, это его выбор, Нинель. Мы тоже с тобой поженились сразу после диплома и ничего, живем. – при этих словах Анатолий опустил глаза, их настоящее с натяжкой можно назвать счастливой семейной жизнью.

– Нет, каким был, таким и остался. Простак! Сын, к сожалению, в него пошел. – внутри себя констатировала Нинель. Она поняла, что продолжать разговор бесполезно и от души хлопнув дверью, вышла из гостиной. Вернувшись в свой будуар – спальню, бросилась на кровать и немного поразмыслив, решила, что ей просто необходимо выйти на время из дома, тем более, что за окном стоял прекрасный летний день. Нинель взяла в руки телефонный аппарат и набрала номер своей старинной приятельницы Зинаиды, которая года три, как овдовела, сын жил отдельно, но Зина не скучала в одиночестве. Ее счастье было в востребованности. Зина знала иностранные языки и быстро нашла себе применение в качестве репетитора, что существенно подняло ее материальное благосостояние и позволяло быть самой себе хозяйкой. А недавно познакомилась с мужчиной моложе себя. Зиночка расцвела, стала ходить на массажи, омолаживающие процедуры и в сорок семь лет распахнула во всю ширь ворота своей второй молодости. Именно такой человек, весь преисполненный энергии и позитива, сейчас был нужен издерганной неудачами Нинель. Они договорились встретиться и сходить куда-нибудь в центре города.

Уже через час, полтора, приятельницы встретились в метро. Обнявшись при встрече, поспешили на выход, чтобы, как в молодости, пройтись по центру города с его аллеями и парками, залитыми солнцем. В те времена в Москве повсюду чувствовалась безысходность и надвигающаяся буря, но Нинель была аполитична, а у Зиночки было прекрасное настро-

ение «женщины в любви». Она пригласила Нинель пообедать в ресторане «Москва». Старый и немного обветшалый, он хранил память о том времени, когда они собирались здесь еще в советские времена. Покойный муж Зины – Николай Павлович занимал ответственный пост и был значительно старше, когда женился на ней, выпускнице педагогического института с дипломом преподавателя иностранного языка. Он устроил ее к себе в Госплан, находящийся напротив ресторана «Москва» и где они частенько бывали. Позднее, по совету высшего руководства, она перешла на работу в приемную ЦК, негоже мужу – крупному чиновнику работать вместе с женой.

Зина, слегка взгрустнув, вспомнила мужа, уже как года три покоившегося на кладбище. Они заказали обед подошедшему официанту, затем Зина, обратясь к Нинель, спросила:

– Ну, как дела? Что нового? —

Нинель вздохнула:

– Ничего хорошего, а новости еще хуже. Я рада, что у тебя-то хоть все в ажуре, поэтому и рассказываю: Толик без работы спивается, сын связался с девчонкой с Черкизона, а я день-деньской в квартире, как в клетке. Живем на деньги от сдачи жилья в аренду. Я в полной жопе, Зина! —

Зина на минутку задумалась, затем, сделав знак официанту, заказала шампанского. – Я угощаю, Нинель! – успокоила она подругу. – Кто мог подумать, что пригодится мой учительский диплом! Не волнуйся, денег у меня предостаточно. Недавно ремонт в квартире сделала, мебель обновила. Николай Павлович болел долго и все было запущено. Его старую мебель отправила на дачу. Я за минимализм, люблю много пространства и белые стены, сейчас это модно. —

– Эх, мне бы ее заботы. – подумала Нинель.

– Ну, чего ты куксишься? Парень загулял немного, а ты уже паникуешь. Твой Матвей долго в «девках» сидел, ты просто привыкла его контролировать. Мой Эдик гулял со школы и сейчас не промах, что же мне теперь с ума сходить? По-моему, ты все преувеличиваешь, дорогая. Просто вам нужно отделить его от себя и начать с мужем новую жизнь. —

– Отделить куда? В папину квартиру на аренду от которой мы живем? Чтобы он туда привел эту девку? – Нинель побагровела от одной этой мысли.

– Подруга, не закусывай удила. Если твой сын влюбился, зная его характер, думаю это серьезно. Тебе нужно набраться выдержки и составить план, как подвести его к мысли, что эта девушка ему не пара, раскрыть глаза на нее, а для этого ты должна познакомиться с ней поближе, пригласить к себе. – Нинель всю передернуло, но в душе она согласилась с Зиной:

– Да, она права. Нужно набраться терпения и хитрости, иначе сын окончательно закроется от нее и только крепче прирастет к этой девчонке. —

Официант принес шампанское и открыв бутылку разлил по фужерам. Зина произнесла:

– За нас! – они с наслаждением выпили по бокалу и принялись за фруктовый салат.

Назад ехали на такси. Зина довезла подругу до дома, сказав на прощанье: – Все перемелется, дорогая. Звони! – и машина поехала дальше к дому Зиночки.

– Счастливая! И деньги, и любовь... все есть у нее. – вздохнула Нинель и пошла к своему подъезду.

Когда поздно вечером сын пришел домой, у Нинель в голове уже созрел план действий: «Как открыть сыну глаза». На этот раз она, подав сыну ужин, не поторопилась демонстративно уйти, а налила себе чай и присела рядом:

– Вкусно, сынок? —

Матвей кивнул:

– Великолепно, мамочка! Я обожаю твои голубцы. —

– Вот женишься, сынок и будешь маму вспоминать, – с грустью сказала Нинель

- сейчас девушки не заморачиваются на кухне, обленились. Закормит тебя жена сосисками... —
- Лиза печет прекрасно и готовить тоже умеет. —
- У Нинель все похолодело внутри:
- Ты, что уже дома у нее был? Может с родителями познакомился? —
- Матвей утвердительно кивнул головой.
- Тогда и нам надо с ней познакомиться. Пригласи ее. —
- Мам, это правда? Ты действительно этого хочешь? —
- Ну, если у вас все серьезно, то – да. —
- Спасибо, мама. У нас более чем серьезно. – добавил сын.
- Может и жениться планируете? – Нинель решила дожать до конца.
- Сначала надо на работу устроиться. Лиза работает. Мам, ты серьезно не против? Мне показалось, что она тебе не понравилась. Даже и не знаю, по-моему, она вас боится, тебя особенно. —
- Ну, не съедим же мы ее. Пригласи на эти выходные. —
- Мам, у Лизы в выходные самая работа. Посреди недели скорее получится. Вам же с папой все равно. – бесхитростно добавил сын.
- Ну, тогда сами назначайте, как удобнее. Нам с папой и в самом деле все равно. – подвела черту разговора мать.

Глава 17 Ни счастья, ни покоя

Секретарь гендиректора «Русский мороз» Вера впервые нарушила жесткое правило не звать к телефону шефа, когда он серьезно занят, а сейчас в кабинете г-на Данилова происходило важное совещание с участием главного бухгалтера и акционеров предприятия.

Вера, вопреки запрету, вошла в кабинет гендиректора и наклонившись почти к самому уху шефа, попросила подойти к телефону. Данилов, с трудом сдерживаясь, поднял глаза на секретаршу.

– Ваша жена просит срочно связаться с Вами по очень важному вопросу. – тихо произнесла Вера.

Данилов поднялся из директорского кресла и, извинившись перед присутствующими, вышел из кабинета. Взяв трубку, Данилов услышал рыдания жены.

– Говори в чем дело! – в нетерпении повысил голос Валерий Николаевич.

– Наша дочь... наша дочь... – Алевтина сквозь слезы не могла ничего толком вымолвить.

– Так говори, что случилось! Что с дочерью? – у Данилова сжалось горло.

– Она разбилась в машине и сейчас в больнице. —

– В какой? —

– В Склифе. По скорой доставили. —

– Я туда еду. – и Данилов бросил трубку.

Вернувшись в кабинет, он отпустил главбуха, закрыл совещание и, сославшись на срочно возникшее дело, уже через несколько минут мчался к институту скорой помощи им. Склифосовского.

При помощи денег все двери кабинетов быстро открывались перед ним и скоро стала ясна вся картина произошедшего: дочь потеряла управление автомобилем и врезалась в дерево. Врачи заверили: – Ее жизни ничего не угрожает, руки-ноги целы и лишь легкое сотрясение мозга. – К счастью в машине она была одна. Пробы на алкоголь и наркотики показали их наличия в крови Евгении. Данилов потребовал увидеться с дочерью, его пропустили к ней в палату, рассчитанную на троих пациентов. Скоро и этот вопрос был улажен, дочь перевели в одноместный бокс. Послав водителя в ведомственную аптеку за дефицитными дорогими лекарствами, Данилов сидел рядом с дочерью, взяв ее за руку. Девушка спала в медикаментозном сне, а он смотрел на нее и думал:

– Как такое могло случиться с его единственным ребенком, его Женечкой? Наркотики... и когда это началось? Алевтина ничего не говорила, а он последние два года погряз по уши в делах и упустил дочь. —

Данилов сидел, обхватив голову руками, когда в палату вошел лечащий врач Петровский Игорь Дмитриевич. Он сообщил, что беспокоиться о физическом здоровье девушки не стоит, за ней понаблюдает и, если все нормально, через неделю выпишут. А вот о ее психическом состоянии надо серьезно позаботиться, доза в крови приличная и ей еще повезло. Они обменялись телефонами и Игорь Дмитриевич проводил г-на Данилова к выходу из отделения, заверив, что для его дочери все будет по высшему разряду.

На работу Данилов уже не вернулся, а поехал в московскую квартиру откуда позвонил жене:

– Я был в госпитале. Ничего страшного и угрожающего жизни дочери нет. Все лекарства и уход на должном уровне. Ты туда зря не звони, не дергай медперсонал. Я держу связь с лечащим врачом, если что, сразу позвоню. – с этими словами он положил трубку и устало лег на диван в гостиной.

– Позвонить что ли Анне, пусть сделает расслабляющий массаж, я так сейчас нуждаюсь в этом. – и он набрал номер массажистки.

Анна выехала незамедлительно, как только освободилась. Она получала щедрые гонорары за свой труд от Данилова и весьма дорожила состоятельным клиентом. По ее настоянию он купил специальный стол, который необходим для правильного массажа. Анна занималась с ним не менее часа от макушки до кончиков пальцев рук и ног, обильно поливая тело Данилова дорогим маслом и буквально воскресила его. Он снова почувствовал прилив энергии и все произошедшее с ним за день уже казалось не таким и ужасным. Когда сеанс закончился, Данилов взял массажистку за руки и сказал:

– Не уходи, побудь со мной. —

И она осталась. Это произошло впервые в их отношениях. Разведенная тридцатипятилетняя Анна не входила в лонг лист, а тем более в шорт лист пассий Валерия Николаевича. Поначалу, когда деньги пошли косяком, он увлекся количеством любовниц, их было много и разных, но постепенно остыл к смене партнерш на один раз, привязаться к кому-то всерьез и надолго не получалось, да и работы все только прибавлялось. А в квартире пусто и его никто не встречает после работы вот уже скоро год. После охлаждения к Алевтине и разрыва с ней он купил эту квартиру, где бывает последнее время наездами. Живет в ней, в основном, зимой. После покупки коттеджа по полгода в весенне-летний период проводит в Жаворонках. Деньги дали комфорт, но не дали ни счастья, ни покоя.

Глава 18 Неожиданный звонок

Когда в квартире Звонаревых раздался телефонный звонок, Анатолий был дома один, жена куда-то ушла, сына тоже не было. Сняв трубку, Анатолий услышал женский плач и с тревогой спросил:

– Аллю! Что случилось? Кто это? —

Всхлипывание прекратилось и женский голос ответил:

– Это я, Аля. —

У Данилова сжалось сердце:

– У тебя что-то случилось? —

– Да, дочь попала в аварию. В больнице лежит. —

– Серьезные травмы? —

– Валерий был уже сегодня. Вроде не очень серьезные. Прости, что тебя беспокою, просто мне и поплакаться не кому. Я, как в осаде. У нас ведь дело о разводе в суде. Уж и не знаю, каким образом стало известно, но мне перестали звонить подруги и знакомые. Я в вакууме. Это наверняка его работа, – Данилова. —

– Извини, что спрашиваю... Кто инициатор развода? —

Алевтина немного помолчала, затем ответила:

– Я. Он довел меня своими изменами. А теперь и без всего оставить хочет. Нанял в адвокаты самого Добрянского, мне такого не потянуть. Денег-то своих нет, да и не работала я. Он не хотел, да и образования у меня нет, кроме ПТУ кулинарного. А то, что я всю жизнь обслуживала его, готовила, стирала, убирала, с ребенком занималась – это не в счет! А в Африке малярией переболела, какие прививки от тропических болезней только не сделала! И это не в счет! Толя, ты прости, что жалуюсь тебе... – голос Алевтины опять задрожал и в нем почувствовались близкие слезы. У Анатолия появилась мысль: – Наверное, хочет денег у меня занять на адвоката. —

Он, испытывая невероятное смущение, все же признался:

– Ты прости, Алевтина. У меня совсем нет денег, да и работы тоже. Стыдно сказать, как живу. —

Пауза показалась вечной. Затем Алевтина произнесла:

– Ну, что ты, Толик! У меня и в мыслях не было. Просто вспомнила тебя, нашу молодость, прогулки... Видимо, не судьба, раз ты выбрал в жены Нинель. Я ее видела всего несколько раз, но помню, она была красавица. Училась с тобой вместе... А, я без роду и племени – ПТУшница, провинциалка. Не пара я была тебе. —

– Однако вышла замуж за самого видного парня с нашего курса – Данилова. – отметил про себя Анатолий.

– Ну, зря ты так... это мне надо у тебя прощения попросить. —

– Прощения? За что? Мы с тобой встречались совсем недолго и кроме поцелуев ничего не было. Я просто вспомнила тебя и позвонила. – успокоила Алевтина.

– Может встретимся, погуляем? Погода хорошая. —

– Я бы с удовольствием, но боюсь. —

– Чего? —

– Мужа. —

– Вы же разводитесь и он отдельно живет. – удивился Анатолий.

– Ты его не знаешь. Он, как разбогател, другим стал. Нет, к дочери он по-прежнему хорошо относится. Но я стала ему совсем не нужна. Я имею по закону на все нажитое ровно половину. Он собирает на меня компромат и наверняка ведет за мной слежку. Ведь в иске главный аргумент против него – измены, поэтому он использует любую зацепку, чтобы и меня

обвинить в том же. У меня скоро мания преследования начнется, не зря он оставил мне машину с шофером, наверняка, тот докладывает ему обо мне, а может втихую и фотографирует. Хоть и фотографировать нечего. Я уж боюсь не на прослушке ли я? —

– По-моему, ты утрируешь. Я хорошо знаю Валерия, он не такой. —

– Это было давно. Он стал другим. Я его лучше знаю. Спасибо, что выслушал.– и Алевтина положила трубку.

Глава 19 Чего надо мужику...

После того случая Данилов стал встречаться с Анной не только, как с высокопрофессиональной массажисткой, но и, как с любовницей. А она старалась для него вовсю. Ее массажи стали более интимными, вот где она показала класс! Данилова буквально уносило от ее «умелых ручек»! Нет, он и раньше пользовался подобными услугами от профи, но до Анны им всем было далеко.

Данилов знал, что она несколько лет в разводе, живет с матерью и сыном-школьником. Анна стала настолько близка к своему клиенту-любовнику, что он даже поделился с ней о зависимости дочери. Оказалось, что у Анны есть знакомый врач-психотерапевт, который решает эту проблему при помощи гипноза и она дала Данилову визитку, на которой было напечатано: Соколовский Ян Оскарович – врач-психотерапевт высшей категории, кандидат медицинских наук, далее адрес и телефон клиники, где он принимает.

Данилов решил не откладывать и сразу позвонить еще до выписки дочери из госпиталя. По указанному телефону трубку сняла секретарь. Оказалось, что на все ближайшие даты нет записи в виду большой загрузки доктора, но Данилов сказал, что это срочно. В порядке исключения ему пошли на встречу и уже на следующий день доктор Соколовский Я. О. принял его в свое личное время после окончания приема пациентов.

Яну Соколовскому было около тридцати. Это был высокообразованный специалист, прошедший обучение в Германии и защитивший степень кандидата медицинских наук. Высокий, стройный, даже гибкий с врожденной грацией, он выглядел моложе своих лет. Правильные, тонкие черты, светлые, чуть волнистые волосы, завораживающие, длинные, как у музыканта пальцы... Его лицо и манеры были аристократическими, голос тихим, движения неспешными. Он был прекрасен, но чувствовался в его глазах цвета стали какой-то холод, его пристальный взгляд не каждый мог выдержать на себе. Казалось, он читал мысли своих собеседников. Во всем облике Яна Соколовского было что-то отрешенно-таинственное и даже загадочное. Аккуратный до фанатизма, всегда дорого и стильно одетый, он не был женат и вел уединенный образ жизни. Практику начал с кабинета, потом, когда оброс богатыми клиентами, открыл собственную клинику, где под его началом работали высококласные специалисты, в основном мужчины, за исключением двоих девушек-секретарей на ресепшн и массажистки Анны, принимавшей большей частью пациентов-мужчин. Сам Соколовский придерживался мнения, что женщины часто являются разносчиками сплетен в коллективе, чего он допустить не мог. Доктор Соколовский, несмотря на молодость, был приверженцем строгих регламентированных правил, как в служебных отношениях, так и в обычной жизни. Многим он казался холодным снобом, но надо признать, что несмотря на производимое впечатление на окружающих, снобом Ян Соколовский не был.

Он внимательно выслушал Данилова, ни разу не перебив его, затем задал несколько вопросов, после чего они пришли к заключению, что Соколовский посетит Евгению в госпитале и поработает с ней. Это было верное решение, за которое Данилов, как отец, был безумно благодарен доктору. Как знать, удалось ли ему после выписки уговорить упрямую и своенравную Евгению посетить врача-психотерапевта. Соколовский связался с зав. отделением Склифа и Евгении Даниловой продлили госпитализацию еще на неделю. Ян приходил к ней в больницу каждый день и это принесло хорошие результаты: Евгения успокоилась и даже бросила курить, пропал лихорадочный блеск в глазах и она стала такой, какой знал ее отец – милой, доброй, спокойной. Они даже не вспоминали об угробленном автомобиле BMW, подарке отца на восемнадцатилетие. Он обещал купить ей другую машину, с одним условием, что в течении года за рулем будет шофер. Дочь согласилась. Радости отца не было предела. Соколовскому он был готов в благодарность презентовать дорогую машину и как-то поинтересовался какого

класса автомобиля предпочитает доктор. Выяснил, что у Яна Оскаровича уже есть и по иронии судьбы такой же BMW, что разбила Евгения. Вопросов больше не было, но отблагодарив Яна по полной в валюте, отец с чувством выполненного долга успокоился и вновь занялся делами.

– Я же говорила, что он – Волшебник! – отозвалась о Соколовском радостная Анна, после этого еще более упрочившая свое положение рядом с Даниловым и с еще большим рвением принялась улаживать своего господина, как она его в шутку стала называть. А чего еще надо мужику, даже гендиректору!

Глава 20 Ян – Королевич

А Евгения летала в мечтах. Она, наконец, встретила своего возлюбленного – красивого, умного, утонченного! Ян! Ян-Королевич, как в сказке, которую ей читали в детстве. Он спас ее! Она совсем не думает о травке, а только о нем, его глазах, руках! О, как ей хочется погладить его светлые волосы, она всю жизнь обожала прибалтийских актеров с их неповторимым шармом и крышесносной сексуальностью! Ни о ком другом она теперь и думать не хочет. Все эти сынки папиных знакомых вызывают в ней приступы тошноты, даже хваленый гусак из Гарварда Пашка. Нет, никому не сравниться с Яном! Он любит Баха, Вагнера! Он столько читал в подлинниках на немецком! В его глазах Космос!

Ей скоро исполнится девятнадцать и это ее первая любовь! Вот кому она отдаст свою нерастратенную девственность! От этих мыслей под стерео любимых мелодий, Евгению уносило все дальше. У нее есть его домашний телефон! Он никому его не дает, дал только папе и ей! Значит не такие они для него рядовые пациенты!

Мечты прервала, вошедшая в комнату дочери, мать:

– Доченька, что хочешь покушать? —

Евгению передернуло:

– Мама, сколько раз говорить, чтобы ты не входила ко мне без стука! И, вообще, прошу тебя не беспокоить меня. Когда захочу есть, знаю где холодильник. —

Мать послушно закрыла за собой дверь.

– И угораздило отца жениться на такой необразованной и тупой женщине! Папа – умница, красавец, на которого до сих пор заглядываются молодые девушки! Правда говорят, что можно извлечь женщину из деревни, но нельзя извлечь деревню из нее! – с раздражением думала Евгения о матери. Она схватила с полки книгу, но читать не стала, а включила видео и начала смотреть свою любимую мелодраму «Поющие в терновниках», которая как нельзя лучше соответствовала ее томительно-восторженному настроению.

Глава 21 Лиза в гостях у Звонаревых

Нинель Звонарева через сына пригласила Лизу прийти к ним в гости. Права Зина, надо все держать под контролем! Завтра Лиза обещала прийти. Нинель не стала заморачиваться с угощением и заказала пиццу, ну и еще кое-что будет на столе. Никакой выпивки кроме колы и пива:

– Не королеву ждем! —

Она была удивлена, когда в назначенное время на пороге появилась Лиза с цветами и Матвей с тортом в руках. Сделав радостное лицо, Нинель произнесла: – Спасибо, будет с чем чай попить! – и приняла из рук сына коробку с тортом.

Лиза переобулась в тапочки и пошла в ванную помыть руки после улицы.

– Хорошо, что хоть это умеет. Однако, что за гадость ее духи! Черкизон! Повсюду Черкизон, стоит ей только появиться! —

Из гостиной вышел Анатолий, чтобы поприветствовать девушку с сыном. Нинель смотрела, как муж искренне радуется и думала:

– Я всегда знала, что Толик недалекий простак, но, чтобы такой! —

И с деланным радушием пригласила всех к столу, где помимо нарезки и салата, стояла коробка с большой пиццей.

За столом за гостьей ухаживали отец с сыном, они попеременно предлагали ей что-то попробовать, а Матвей с улыбкой смотрел на Лизу.

– И чем она его приворожила, бледная немощь! – брезгливо про себя отметила Нинель – В институте такие девчонки красивые были! —

Они поговорили на ничего незначачие темы, попили чай с тортом и Лиза с Матвеем, попрощавшись ушли.

– Мам, я позвоню! – донеслось уже из дверей.

– Вот и манеры стали ей под стать! – От Нинель не ускользнуло, что за столом Лиза совершенно не умеет пользоваться ножом. Когда ела салат, то пользовалась одной вилкой, помогая себе кусочком хлеба, а сын, глядя на это, тоже отложил нож в сторону. Не зря: «С кем поведешься, от того и наберешься!» – со вздохом подумала Нинель.

Матвей пришел нескоро, как оказалось, он проводил Лизу до самого ее дома, Бескудниково – это другой конец Москвы. Пока сына не было, а муж смотрел телевизор, Нинель набрала номер Зиночки, та взяла трубку.

– Ой, Зина, уж и не знаю права я или не права, но я действительно пригласила эту девчонку с Черкизона к нам в гости! Ну, что сказать... молчит, как рыба, но самое главное о ней мне уже известно. Зина, я с ужасом думаю, вдруг он и вправду захочет жениться на ней! Что делать, Зина? – замерла в ожидании ответа Нинель.

– Набраться терпения и выждать. Знаешь, как одна моя знакомая в подобной ситуации поступила? Конечно, это грязный, но очень действенный метод! —

– Ты, о чем, Зина? – Нинель напряглась, – для меня сейчас все методы хороши! – Мы, Нинель живем в век технического прогресса. А с новыми временами стало многое доступным. Я имею ввиду прослушку. Одна знакомая моей знакомой приобрела такое устройство, вмонтировала в зонтик и накануне «забыла» его в гостях предполагаемых родственников. Сын хотел жениться и совсем не слушал мать, а зря! Так вот, эта знакомая знакомой, позвонила на следующий день и сказала, что забыла у них в коридоре свой зонтик, сейчас заскочит на одну минуту с утра перед работой. Она забрала свой зонтик с «начинкой», а потом дала послушать пленку сыну. Все! Как ножом отрезало от невесты и ее семейки. У парня уши завяли. —

– Ой, как так можно! Может он мать свою возненавидел! – ужаснулась Нинель.

– Нет, не возненавидел, а напротив, спасибо сказал и вскоре женился на девушке, которая ему больше подошла. До сих пор прекрасно живут! Мать плохого не захочет, она лучше знает, кто ее сыну подойдет. —

Нинель с неприязнью выслушала эту историю. Но из головы не выбросила.

Глава 22 Кража со взломом

А на Лизу Смирнову косяком двинулись крутые неприятности. Впрочем, неприятности – это еще мягко сказано. Приезжал грозный хозяин с племянником Азизом и сообщил растерявшейся девушке, что у нее крупная недостача. Хозяин устрашающе раздувал черные ноздри и гортанно что-то выкрикивал на непостижимой смеси чуждого наречия, щедро приправленного русским матом, не требующего перевода. Конечно, Лиза вела тетрадь, куда записывала выручку, но приход товара подсчитать было невозможно, все сваливалось в кучу безо всякого подсчета и накладных. Бывало Азиз или сам хозяин, что-то забирали из вещей, нигде это не учитывалось и сколько всего товара числилось на торговой точке никто не знал, включая самого хозяина. И вот недостача, а Лиза оказалась крайней. На ее робкие вопросы, как такое могло случиться, южане громко кричали на своем языке вперемежку с матом, тем самым окончательно запугав девушку. Азиз, говоривший на русском лучше своего дяди, глядя в лицо Лизе сказал со злостью:

– Это ты у своего брата спрашивай. Срок даю пять дней, чтобы деньги были, иначе и тебе, и брату кости переломаем. Мы знаем где вас искать. —

Сумма, которую от нее требовали была просто нереальной, ей ее отработать не один месяц, а еще надо и жить на что-то.

Матвею девушка решила ничего не говорить, но он сам заметил, как она погрузилась и осунулась. Под глазами появились темные круги от бессонных ночей и после долгих, и упорных расспросов, расплакавшись она рассказала Матвею о своей беде. Тот выслушал и успокоил: – Не переживай, заработаю на Москве-Товарной. Деньги будут. Главное, не плачь! – подбодрил он девушку.

И уже на следующий день Матвей был у вагонов на станции, куда стекаются грузы со всей страны и из-за рубежа. Бригадира Максима он не нашел, но к нему подошли двое и предложили работу. Матвей и еще несколько приезжих из Средней Азии начали разгрузку вагона доверху набитого коробками с бытовой техникой. Там были стиральные машины, холодильники, телевизоры и другие товары от дорогостоящих иностранных производителей. На этот раз в помощь грузчикам были даны тележки и подъемники, надо было управиться как можно быстрее и заполнить товаром подогнанную фуру. Они почти закончили с работой, как кто-то свистнул и «бригадира» не стало, а с ним и водителя фуры. Они словно растаяли в жарком московском воздухе. К ребятам-грузчикам подошел наряд милиции и надев на них наручники, посадил в милицейский УАЗик и повез в отделение. Там их посадили в обезьянник, где нестерпимо воняло мочой, дежурный милиционер запер на замок и ушел из этого зловонного места, оставив горе-работяг, не говоривших по-русски и Матвея единственного русского среди них.

Только через несколько часов пришел милиционер. Быстро поняв, что кроме Матвея Звонарева говорить не с кем, взял у него паспорт и начал допрос. Матвею реально светила статья за кражу со взломом, надо было серьезно разбираться. Милиционер уныло посмотрел на него, потом дал позвонить домой. Приехали родители и после подписки протокола, Матвей был отпущен до следующего вызова в милицию. О том, что чувствовал Матвей сидя рядом с родителями в такси, – простыми словами передать сложно: боль, стыд, унижение, а главное, осознание себя, как последнего лоха, которого развели на кражу.

Дома воцарилось долгое тягостное молчание. Матвей ни за что бы не признался матери, что деньги нужны для Лизы, а отцу говорить без толку, денег у него нет. Что делать дальше Матвей не знал и лишь поздним вечером, когда Нинель улеглась в спальне, состоялся разговор между отцом и сыном. Матвею пришлось рассказать всю правду для чего ему потребовались деньги. Лизу на счетчик поставили и ей долго придется отработать, чтобы рассчитаться. Отец, желая успокоить сына, сказал, что что-нибудь придумает. Конечно, Анатолий сам был

в замешательстве и не знал, чем он может помочь. Их разговор в гостиной подслушала Нинель, для этого она использовала пустой стакан, приложив его краями к стене, а дном к уху. Она все расслышала и поняла: – Все несчастья из-за этой девчонки с Черкизона. Ее материнское сердце не обманешь, сразу было ясно, что она доведет сына до беды и это случилось. Будет суд, позор и пятно в биографии. Нинель встала и заметалась по комнате, в голове стучало: – Что делать? Что делать? – Нинель вспомнила о спрятанном коньяке и крадучись вышла на лоджию, где отпила прямо из бутылки приличную дозу. Она заснула только под утро.

Глава 23 Когда любовь убивает

Евгения Данилова позвонила доктору Соколовскому и попросила о встрече. Ян Оскарович поинтересовался: – Что-то произошло, Евгения? Как Вы себя чувствуете? —

– Чувствую себя хорошо, но мне очень нужно увидеть Вас, Ян. – Она впервые назвала его по имени, чтобы сократить дистанцию между ними. Да, он старше ее, он доктор, ученый, но это ничего не меняет. Она влюблена в него и хочет сама признаться ему первой. —

– Хорошо, приезжайте. Когда Вам будет удобно? —

– Сегодня после приема. —

Соколовский несколько задумался, потом сказал:

– Я буду ждать Вас. – и положил трубку.

У Евгении сердце сжалось от этих слов: – Я буду ждать Вас. – звучало, как гимн надежде. Надежде на ее счастье!

Когда она вошла в кабинет Яна Оскаровича, он уже снял свой белоснежный накрахмаленный халат и сидел в модном костюме стального оттенка под стать цвету его глаз. Под пиджаком виднелась голубая рубашка, верхние пуговицы которой были расстегнуты, на груди поблескивала золотая цепочка, что делало его особенно сексуальным. Евгения видела его впервые без докторского халата и это окончательно сразило ее до головокружения, до слабости в ногах. Перед ней был не врач, а стильный молодой мужчина с зашкаливающей харизмой. Сердце девушки сжалось: – Такого хоть сейчас в Голливуд! – Но лицо Яна было непроницаемо-холодным. Он встал и поздоровавшись, предложил Евгении сесть, затем сел сам, слегка откинувшись на спинку кресла, устремил на нее внимательный взгляд серых глаз. После минутного молчания спросил: – Какие проблемы, Евгения привели Вас ко мне, ведь как я понял из разговора с Вами, чувствуете Вы себя хорошо. —

А Евгения не могла оторвать взгляд от него, его лица, его рук с чуткими пальцами врача. Она опустила глаза и вдруг увидела видневшиеся под столом ноги Яна. Внушительного размера, под стать его росту, но изящные, узкие ступни в модных туфлях из мягкой замши. Она на какие-то секунды представила, как он одевается: носки, брюки, рубашка... Как затягивает ремень, надевает обувь совсем как обычный человек, а не полубог в ее воображении. В висках застучало, стало трудно дышать. Она была готова пасть перед Соколовским от нахлынувших чувств! Подобного с ней никогда не бывало.

– Так, что привело Вас ко мне? – задал прямой вопрос Соколовский, глядя ей в глаза.

– Любовь! Я полюбила тебя, Ян! – ответила так же прямо девушка. Ее темные глаза пылали огнем, на щеках загорелся румянец, еще немного и из глаз брызнут слезы...

Ян Соколовский молча поднялся из-за стола и встал лицом к окну, повернувшись спиной к своей недавней пациентке. Евгения одним движением оказалась рядом и порывисто обняв его со спины, прижалась к Яну щекой, горячо прошептала: – Зачем спрашиваешь, когда ты все сам видишь и знаешь. Люблю безумно и на все для тебя готова прямо здесь и сейчас. Она начала целовать спину и плечи Яна, встав на цыпочки, дотянулась до его затылка, продолжая осыпать поцелуями шею, завитки волос. Ян, так и не повернувшись к ней лицом, сказал:

– Евгения, возьмите себя в руки. Я – врач, а Вы – моя пациентка. Между нами ничего не может быть. —

Это было сказано таким решительным, ледяным тоном, что на минуту охладило пыл девушки и она отпрянула от него, а он, воспользовавшись этим, отошел от окна и налив ей воды в стакан, протянул со словами:

– Выпейте и успокойтесь. —

Соколовский сел и достав из ящика стола бланки, стал писать. Поставив печать, протянул рецепт со словами:

– Это необходимо принимать. —

Затем открыл дверь в приемную и обратившись к девушке-ресепшн сказал: – Вызовите по телефону такси для пациентки. —

Приехав домой, Евгения заперлась у себя в комнате. Мать не решалась войти и побеспокоить ее, но сердцем почуяла: – С дочерью беда. – Она набрала номер мужа и он тут же примчался. Данилов позвонил Соколовскому, тот приехал и осмотрев девушку, оказал первую наркологическую помощь: поставил капельницу и сделал укол, чтобы поддержать ее сердце. На немой вопрос отца ответил:

– Это редкий случай в моей практике. Она проспит не менее 12 часов, если проснется раньше, дайте ей эти таблетки, а утром я приеду. —

Ян оставил все необходимые лекарства на случай раннего пробуждения и уехал, а отец остался рядом с дочерью. Он просидел всю ночь в кресле, почти не смыкая глаз и лишь под утро сон ненадолго сморил его. Евгения спала не просыпаясь, а утром приехал Соколовский. Когда Евгения открыла глаза, то увидев его, выдохнула: – Ян, любовь моя, не уходи! – Но под воздействием лекарств, снова впала в забытие.

Ее слова потрясли Данилова и он все понял своим отцовским сердцем: – Что ты сделал с ней! Заколдовал? – Данилов был готов наброситься на Соколовского, но у того хватило выдержки и опыта остановить его одним взглядом. Вместо ответа Ян Оскарович достал из походной аптечки таблетки и протянул их Данилову со словами: – Пейте три раза в день, вам нужно поддержать себя. Я пришлю медсестру, она обеспечит уход за Евгенией. – С этими словами доктор Соколовский покинул квартиру Даниловых, оставив мать и отца рядом со спящей дочерью.

Глава 24 В гостях у Воланда

Данилов приехал на работу в ужасающем состоянии после бессонной, полной тревог ночи, проведенной подле дочери. Вид у гендиректора был, как после затянувшейся хмельной попойки, чего с ним почти никогда не случалось. Лицо опухло, голова гудела, словно ее накачали водой, но накопившиеся дела необходимо срочно разгрести и кроме него это не сделает никто. Выпив лекарство, рекомендованное Соколовским, Данилов почувствовал прилив бодрости и сил, усталость куда-то исчезла и он обрел способность адекватно мыслить и реагировать.

Вошла главбух с папкой документов на подпись. Данилов давно знал Викторию Тимофеевну, она работала с ним еще во внешнеэкономической организации времен СССР от которой он успешно вовремя отпочковался и создал фирму «Русский мороз», весьма процветающую на международном рынке. Чего это стоило пробить, знает только он один, каждая подпись на каждой бумаге, каждое разрешение стоило ему нервов и здоровья, но Евгения окончательно подкосила его. Данилов любил дочку больше всех на свете и она платила ему ответным чувством. Она сразу хотела перейти жить к отцу, но он попросил остаться с матерью, чтобы окончательно морально не убить ее. Это было лишь частью правды, другая часть состояла в том, что Данилову всего сорок пять и женщинами он по-прежнему интересуется, а при дочери неизбежно возникнут неприятные ограничения. И потом, он весь день на работе и так поздно приходит... Работа не только поглотила его с головой, но и дает средства для обеспеченной жизни семьи. Коммерческое отделение МГИМО, поездки за границу, модные фирменные вещи, машина – все это стоит огромных денег, а его задача добывать их. Он объяснил все это дочери и она приняла его доводы. Сейчас она под неусыпным вниманием медсестры, присланной из клиники Соколовского, а после работы он обязательно заедет навестить ее. И Данилов вновь окунулся в дела фирмы. Он просидел за рабочим столом до самого вечера, сделав небольшой перерыв на обед. Секретарь Вера позаботилась; договорилась с родственницей, которая готовит домашние обеды для сотрудников, а шофер Иван их привозит в офис. – Только бы с Женечкой все наладилось, а с остальным разберемся. – успокоил себя Данилов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.